

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

Очерки по истории Муты

Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время

В МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
XVI—XVII вв.

Сергей Платонов

**Очерки по истории Смуты в
Московском государстве XVI
— XVII вв. Опыт изучения
общественного строя и сословных
отношений в Смутное время**

«Центрполиграф»

1899

УДК 94(47).045
ББК 63.3(2)

Платонов С. Ф.

Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI— XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов — «Центрполиграф», 1899

ISBN 978-5-227-10282-9

Настоящий труд русского и советского историка С.Ф. Платонова является наиболее полным исследованием событий в период со второй половины XVI века и до начала XVII, позже получивший название Смутного времени. Используя документы, автор подробно освещает ход внутренней и внешней политической борьбы тех лет. Положенный в основу работы богатый фактический материал дает конкретное представление о том, как, проходя через опричнину, крестьянские войны, напряженное противостояние нападкам соседних государств (Польши, Литвы, Швеции), складывалось многонациональное централизованное Московское государство. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-10282-9

© Платонов С. Ф., 1899

© Центрполиграф, 1899

Содержание

Предисловие	8
Часть первая	9
Глава 1	10
Перечень этих областей	10
I	11
II	21
III	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Платонов Сергей Федорович
Очерки по истории Смуты в
Московском государстве XVI—XVII вв.
Опыт изучения общественного строя и
сословных отношений в Смутное время

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

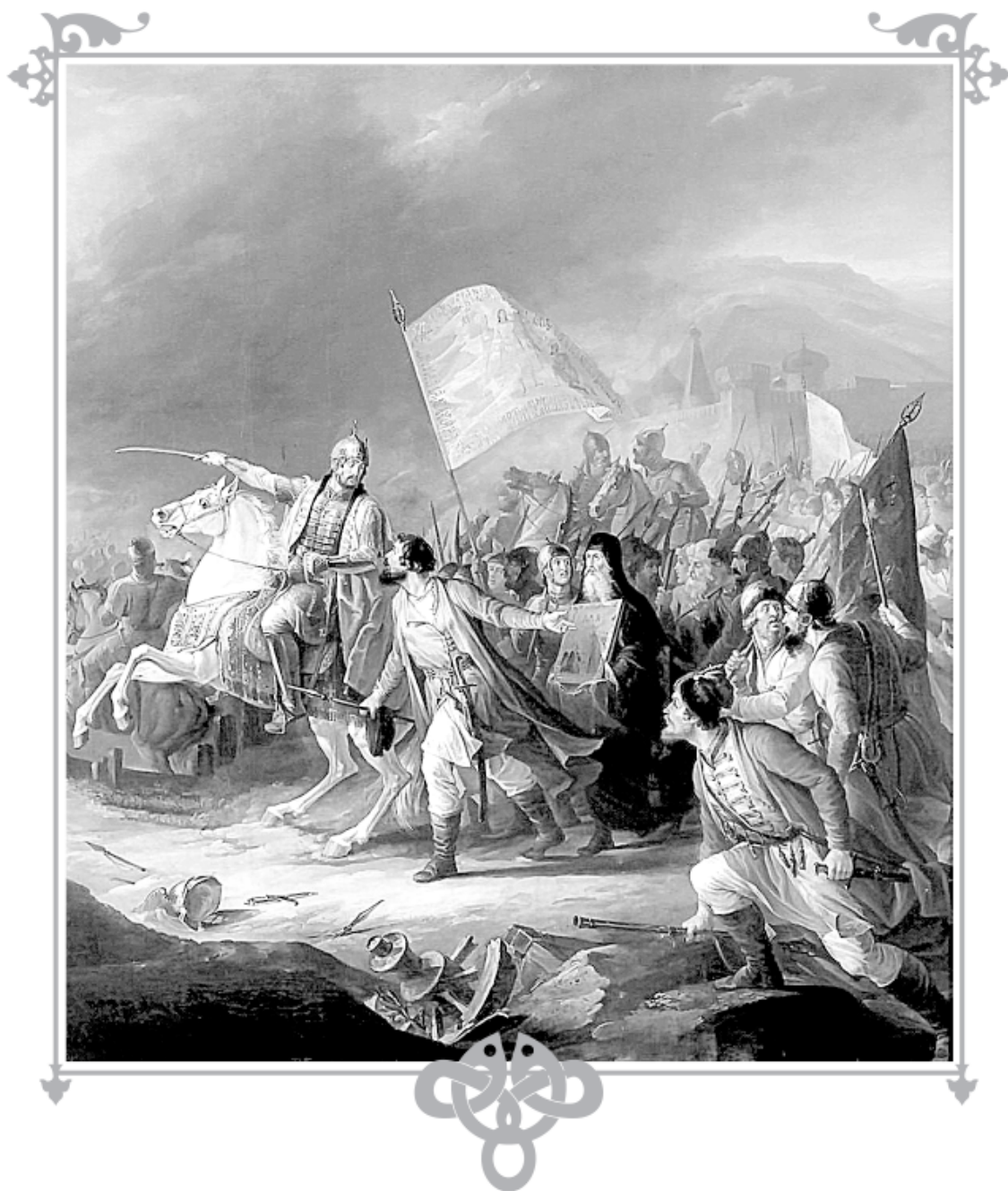
* * *

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
СМУТЫ
В МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
XVI—XVII вв.

Опыт изучения общественного строя
и сословных отношений
в Смутное время

Предисловие

Тема предлагаемых «Очерков» определяется их заглавием. Автор желал изучить те вопросы в истории Смутной эпохи, которые обыкновенно стоят на втором плане не только у прежних, но и у новых повествователей. Богатая литература о Смуте позволила автору совершенно обойти много раз описанные, всем известные внешние подробности событий и сосредоточить все свое внимание на изображении деятельности руководивших общественной жизнью кружков и на характеристике массовых движений в Смутное время. Своевременно ли была поставлена такая задача и удачно ли исполнена, пусть судит ученая критика.

Автор разделил свои «Очерки» на две неравные части. Первая из них имеет служебное значение и представляет собой подготовительный этюд; цель его – показать историческую обстановку, в которой совершалось действие Смуты, изображенной во второй, главной части. Если автору дозволено будет назвать свой труд самостоятельным исследованием, то он не отнесет такого определения, в его точном смысле, к первой части «Очерков». Многообразие сюжетов и изобилие материалов, входящих в тему этой части, требовало бы не сжатого очерка, а многостороннего специального исследования. Автор не имел времени для такого исследования и не чувствовал в нем надобности. Ученая литература давала ему возможность собрать достаточный для его цели материал из монографий и общеизвестных сборников исторических документов.

Пять отрывков из этой книги были напечатаны предварительно в «Журнале Министерства народного просвещения», именно: 1) «К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке» (март 1898 г.); 2) «К истории опричнины XVI века» (октябрь 1897 г.); 3) «Первые политические шаги Бориса Годунова; 1584–1594» (июнь 1898 г.); 4) «Борьба за московский престол в 1598 году» (октябрь 1898 г.) и 5) «Царь В. Шуйский и бояре в 1606 году» (декабрь 1898 г.).

Окончание многолетнего труда неизбежно обращает мысль к тем, кто знал об этом труде, ему сочувствовал и помогал. Автор благодарно вспоминает своих, уже покойных, учителей, и особенно любимейшего учителя и старшего товарища В. Г. Васильевского. Своим близким и друзьям автор обязан самой глубокой признательностью за неизменное их сочувствие и содействие. Наконец, автор благодарит своих дорогих учеников – Н. П. Павлова-Сильванского и П. Г. Васенку, помогавших ему своим трудом при печатании этой книги.

Часть первая
Московское государство
перед смутой

Глава 1

Области Московского государства

Перечень этих областей

Земли, входящие в состав Московского государства на исходе XVI века, отличались значительным разнообразием географических свойств и бытовых особенностей. На пространстве от студеной тундры и горного «Камня» до богатого чернозема «дикого поля», – нынешней средней России, – под влиянием политических причин, природных условий и хода колонизации создалось несколько значительных областей, особенности которых, создаваемые московской властью, были ею положены в основание официального деления страны. Известно, что в административном отношении Московское государство делилось на уезды и волости. Общепринятое мнение о том, что такое деление было единственным, уже не раз подвергалось должному ограничению. Указывали на то, что московское правительство, хотя и не дошло до учреждения таких постоянных и определенных округов, какими были губернии XVIII столетия, однако весьма часто соединяло для целей финансовых и военных по несколько уездов в один округ, которым и управляло как административным целым. Замечено было и то, что подобная административная группировка соотносилась с естественной, житейской группировкой городов, обращая в военный или финансовый округ такой район, который имел уже единство или в историческом воспоминании, или в реальных условиях жизни. Можно сказать более: даже и тогда, когда не было нужды на деле объединять одной властью города и местности известного района, их объединяли общим названием: считали за особую часть государства все те места, которые в каком-либо отношении были обособлены историей или природой. Таким образом, по официальным понятиям, государство имело сложный состав, и обычные слова того времени «все государства Российского царствия» очень точно соответствовали действительным представлениям московских людей. Надобно только заметить, что свежесть исторических воспоминаний блекла от времени, а житейские особенности того или другого края выяснялись чем далее, тем более; поэтому к XVII веку вместо «государств» удельной поры в составе Московского государства привыкли различать иного рода районы. Старую территорию московских уделов и великого княжения Владимирского отличали, как одно целое, от прочих областей и не различали в ней старых удельных делений под новым общим названием *замосковных городов*. «Замосковными» они были со стороны южного и юго-западного рубежей Московского государства, от которых Москва была их военным прикрытием. Этим городам, представлявшим собой стариннейший центр государства, противопоставляли позднее покоренные земли Великого Новгорода, «волости все Новгородские земли». Собственно Новгород с пригородами и пятнами и Псков с его пригородами считали за особый район, называя эти места «городами от *Немецкой украины*». Северные Новгородские земли, лежавшие по берегам Белого моря, Онеге, Северной Двине и далее до Урала, называли общим именем *Поморья* или *поморских городов*. К ним часто причисляли *Вятку*, затем *Пермь Великую*, значение которой стало значительно расти с открытием новых путей за «Камень», в завоеванное *Сибирское царство*. Это были главнейшие части московского севера, собственно великое княжество Московское и земли Великого Новгорода. На юг от центральных городов различали также несколько особых округов. Царства Казанское и Астраханское в Среднем и Нижнем Поволжье слыли под общим названием *Низа* или *понизовых городов*. Рязанское княжество сохранило свою особенность, и его старые города вместе с новыми пограничными поселками так и назывались *рязанскими городами*. На западе они соприкасались с городами *украинными* и «польскими», стоявшими на границах «дикого поля», на «Польской украине». Еще далее на запад, за Окой в ее верхнем течении,

лежала группа городов *заозских*, в которую входили мелкие удельные центры, бывшие когда-то предметом спора между Москвой и Литвой. Другие части этой спорной территории, лежавшие по верховьям Днепра и Западной Двины, назывались «городами от *Литовской украины*». Эти группы городов составляли первый южный пояс, окружавший Москву. За ним к концу XVI века образовался второй пояс, состоявший из давно приобретенных *северских городов*, далее на восток – из вновь занятого *Поля*, на котором строились город за городом именно в конце XVI века, и, наконец, *донских казачьих городков*; основание последним полагала свободная предприимчивость казаков, а не усмотрение московских воевод, и потому с московской точки зрения эти городки были уже за пределами государства. По этой причине сношения с ними вело тогдашнее ведомство иностранных дел – Посольский приказ.

Все названные области постоянно упоминаются в разрядных росписях и иных документах XVI–XVII веков как общепринятое деление страны. Было бы, разумеется, большой ошибкой придавать этому делению определенность и устойчивость существующих в наше время административных разграничений; однако этим делением можно пользоваться с большим удобством для того, чтобы дать некоторое понятие об особенностях общественного устройства и быта в разных частях Московского государства. Сколь ни мало совершенна предлагаемая здесь читателю попытка характеристики вышеназванных земель, составлявших территорию Московского государства, она все-таки казалась автору необходимой для целей его дальнейшего изложения.

I

Поморье. Вятка и Пермь. Характеристика поморских областей и городов

В Поморье, кроме земель Вятской и Пермской, мы можем различить следующие части: 1) Двина, или, точнее, Двинский уезд, 2) Карельский берег и Обонежские погосты, 3) Каргопольский край, 4) Важская земля, 5) земли Великого Устюга и Вычегодские и 6) северо-восточный край по рр. Пинеге, Мезени и Печоре. Три первые области прилегали к морю, остальные определяли свои границы системой той или другой реки. Мало может быть сомнения в том, что на берега Белого моря русские поселенцы первоначально вышли по рр. Выгу, Суме, Онеге и Северной Двине и что устья этих рек послужили исходными пунктами для дальнейшего движения поселенцев по берегам Студеного и Мурманского морей. В этих местах не земля, а вода по преимуществу давала заработок и обеспечение. Рыбный лов в море и «морских реках», охота за морским зверем, морской торг со своими и чужими – вот главные занятия поморов XVI века. На земле же нельзя было жить пахотой, потому что земля была неродима; можно было вываривать соль и для того сводить лес, можно было охотиться за пушным зверем, водить оленей. При этих условиях население должно было жаться к морю и рекам, оставляя наиболее далекие от моря глухие места в пользование аборигенов страны – карелов и лопарей. Вот почему русские поселения в этом краю всегда при море или близко от него – на реке. Поселенец идет с моря в устье реки и заседает в нем, устраивая поселки, слагающиеся затем в целую волость. Эти волости выделяют из себя новые поселки на новых прибрежных заимках, и вся группа вновь возникших поселений тянет судом и данью к тому пункту, откуда пошли поселенцы. В новгородское время эти поселки тянули к господину Великому Новгороду; с падением Новгорода и с отделением в опричнину Обонежской пятины они стали тянуть к Двине, то есть к Холмогорам, или же непосредственно к Москве. В то же время в XVI веке очень быстрые успехи на Белом море стали делать монастыри Соловецкий, Кириллов, Карельский и др., получая от доброхотных дателей и от государя земли за землями, волости за волостями по морскому берегу и становясь чрез это между населением и властью в качестве привилегированных землевладельцев. В исходе XVI века, в интересующий нас период, по берегам Белого

моря на запад от Северной Двины было уже много волостей с постоянным населением и развитыми промыслами: по Летнему берегу чаще упоминаются Ненокса, Уна; на Онеге – Порог; на Карельском берегу волости Унежма, Нюхча, Колежма, Сумская, Шуйская, Кемская; в Дикой Лопи – Кереть, Черная река, Ковда, Княжая губа; на Терском берегу – Кандалакша, Порья губа, Умба, Варзуга и далекий Поной; на Мурманском берегу – Кола и Печенга. Во всех этих местах рядом с крестьянскими общинами видим монастырские владения, и чем далее, тем в большем числе. По справедливому наблюдению А. Я. Ефименко, в ту пору на севере «почти нельзя натолкнуться ни на одно сколько-нибудь значительное промысловое угодье, тонию, варницу, где бы львиная доля не принадлежала монастырям местным и центральным». Особенное же значение принадлежало в Северном Поморье Соловецкому монастырю. Его владения к XVII веку охватывали Белое море и с юга, и с запада, и с севера. Имея в своих стенах 270 человек братии и больше 1000 человек работных людей в монастыре и на промыслах, из которых главным была добыча соли, этот монастырь представлял собой крупнейший центр и наибольшую экономическую силу в Поморье. Его влияние в крае обуславливалось еще тем, что и сам монастырь принадлежал этому краю, тогда как другой крупный собственник и промышленник Беломорья – Кириллов монастырь находился далеко от своих поморских владений и отвлекался от них другими интересами. Вот почему Соловецкому монастырю пришлось, кроме частновладельческих прав и обязанностей, принять на свой страх и кошт долю чисто правительственных функций.

Хозяйственные условия жизни в Беломорье, исключавшие возможность сколько-нибудь значительного земледелия, выдвигали на первый план промыслы рыбный и соляной. И рыба, и особенно соль, конечно, не сполна потреблялись на месте, но доставлялись на внутренние рынки государства, вызывая торговое движение в крае. Соловецкие старцы считали соляной торг основанием своего монастырского хозяйства, говоря в своих грамотах, что «монастырь место не вотчинное, пашенных земель нет, разве что соль продадут, тем и запас всякой на монастырь купят и тем питаются». Доставка соли и рыбы в Каргополь и Вологду была в XVI веке уже вполне организованным делом. С этими товарами поморы ходят в лодках по Онеге и Двине, вывозя обратно в поморские волости все, в чем нуждаются, главным же образом хлеб. В свою очередь, из Каргополя и с Двины, из Новгородского края и Заонежских погостов в Поморье приезжают «всякие торговые люди» со всякими товарами «и теми товары торгуют и соль и рыбу и всякой товар покупают». Таким образом, в крае было некоторое торгово-промышленное оживление, были промысловые и торговые пункты, существовали торговые пути. Все это нуждалось в правительственной охране, особенно потому, что со стороны шведского и датского (норвежского) рубежей во второй половине XVI века почти всегда грозила опасность, более же всего со стороны так называемых «каянских немцев» (из Каяны в Финляндии). Пользуясь удобными «судовыми путями» по рр. Кеми и Ковде, они проникали к Белому морю и грабили поморов. Московское же правительство, занятое более важными делами на своих западных и юго-западных рубежах, не всегда могло со своими войсками вовремя приходить на помощь далекому северу. Такое положение дел неизбежно приводило к мысли о необходимости постоянных укреплений для защиты северного населения; и вот в 1579 году Соловецкий монастырь превращается в крепость, устроенную на средства монастыря, под надзором присланного из Москвы воеводы. Деревянные стены этой крепости, поставленные наскоро, тотчас же исподволь начинают заменяться каменными; гарнизон крепости – стрельцы – набирается на месте, в поморских волостях, и содержится на монастырские средства. Около того же времени монастырь устраивает острог в своей Сумской волости «монастырской казной и крестьяны» и держит в нем гарнизон из двухсот монастырских людей. Немногим позже такой же острог сделан был и в Кеми, и в нем «устроены были ратные люди из монастыря». Сверх того, по Кеми и в других местах были поставлены заставы и сторожевые посты. Таким образом, наше Беломорье было прикрыто со стороны Финляндии рядом укреплений, возникших на мона-

стырской земле и содержимых монастырскими средствами. Общегосударственное значение этих укреплений нашло себе полное признание со стороны правительства. Возлагая на Соловецкий монастырь заботы об устройстве и содержании крепостей, правительство в этом случае пользовалось сильнейшей из существовавших в крае общественных организаций, так как собственные силы его там были слабы; но в этой передаче своих дел на чужую ответственность оно не видело своего безусловного права. За то, что монастырь нес особые военные повинности и расходы, правительство воздавало ему льготами, освобождало его от оброков и пошлин, обращало в монастырскую собственность земли, прикрываемые монастырскими крепостями. Там же, где монастырь Соловецкий не мог с удобством действовать своими силами за отдаленностью места, правительство ставило своих людей. В 1585 году в далекой Коле был построен острог, а в нем посажен воевода из Москвы с обязанностью не только защищать границу от «мурманов», но и охранять порядок на всем Кольском полуострове.

Таков был, в общих чертах, общественный строй этой части Беломорья. Ряд крестьянских волостей, осевших и промышлявших на морском берегу, на землях, когда-то составлявших вотчины (своего рода *latifundia*) новгородских бояр, в XVI веке мало-помалу подпал вотчинной власти монастырей. Монастыри как бы восстановили эти боярские вотчины, а один из них, именно Соловецкий монастырь, ведал даже и военную защиту края, обеспечивая своими кормами и жалованьем как постоянную военную силу в крае – стрельцов, так и временные ополчения даточных людей. В этих местах Беломорья господствовал монах-земледелец, промышленник и торговец¹.

Морской берег на восток от Северной Двины не отличался ни населенностью, ни промышленным оживлением. Между Двиной и Мезенью по рр. Пинеге и Кулою было несколько крестьянских волостей с установившимся хозяйством и с постоянными центрами в Пинежском волоке и Кулойском посаде. Едва ли не главным занятием живущих ближе к морю пинежан был моржовый промысел; они сами в 1603 году писали о себе в Москву, что «ходят-де они на море промышлять рыбою зубу, чем им дань и оброк и всякие подати платить». Нет сомнения, что и рыбные, и лесные промыслы имели большое значение для этого края, где земледелие и теперь очень ненадежно. Был в этом крае и торг, привлекавший к себе издалека русских купцов: это – ярмарка на Лампожне, на Мезени, перешедшая около 1600 года в так называемую Окладникову слободу, на месте которой ныне город Мезень. На этой ярмарке, бывавшей дважды в год, совершалась мена товаров с самоедами, кочевавшими за Мезенью и Печорой и привозившими отсюда пушной товар и «рыбий зуб». За Мезенью начиналась самоедская тундра, куда русская колонизация едва проникала. Русские поселения, однако, были уже тогда на Печоре, представляя собой пристани для морских и речных промышленников и купцов. Англичане, попавшие на Печору в первые годы XVII века, дают нам хорошие сведения о Пустозерске и Усть-Цыльме. Пустозерск, по их показанию, большое селение: до пожара, его опустошившего, в нем было до 200 домов и три церкви; в Усть-Цыльме они считали до 40 домов. Зимой в Пустозерск приходит до 2–3 тысяч самоедов отчасти для торга, отчасти по дороге на Лампожню. Значение Пустозерска было в том, во-первых, что он служил пунк-

---

¹ П.Н. Милоков. Государств. хозяйство России и реформа Петра В. СПб., 1892, § 22. – В. О. Ключевский. «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» (из «Московских университетских известий» № 7, 1867), с. 6–7, 34 и др. – А. Я. Ефименко, «Исследования народной жизни», I, М., 1884, с. 267. – Досифей, «Описание Соловецкого монастыря», М., 1836, I, с. 81 и сл.; III, с. 25 и сл. – А. А. Э., I, № 268, 299, 300, 309, 310, 312, 323, 347, 351, 352, 353, 355, 359; II, № 30. – А. И., I, № 141. Д. А. И., I, № 58, 134, 140, 223. – Сборник грамот Соловецкого монастыря в библиотеке Казанской дух. академии, № 18, грамоты № 48, 49, 52, 61, 64, 66, 72, 94, 113, 115, 120. – Неволин, «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке», СПб., 1853, приложение VI, с. 166–169. – «Русская церковь в северном Поморье» в «Правосл. собеседнике», 1860 (две статьи, особенно вторая). – Е. К. Огородников, «Очерк истории города Архангельска», СПб., 1890, гл. II. – Его же, «Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого чертежа», СПб., 1875 («Заповеди Императорского русского географического общества по отделению этнографии», т. VII). – Его же, «Мурманский и Терский берег по книге Большого чертежа», СПб., 1869 (те же «Записки», т. II).

том, от которого шли в море промышленники не только местные, но и двинские, мезенские и кулойские, забравшиеся в океан; во-вторых, Пустозерск был на пути сообщения с Обью, куда, по известиям англичан, русские ходили ежегодно, и, по выражению одной грамоты XVII века, представлял собой «место пустое поставлено для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать»; и, в-третьих, Пустозерск имел административное значение: там собирались тамга и дань. Значение Усть-Цыльмы определялось тем речным путем, на котором она лежала, путем, шедшим от Северной Двины Пинегой в Кулой, Мезень, Пезу, Цыльму, Печору, Уссу (или Щугур) и, наконец, Обь. Других сколько-нибудь заметных пунктов русской оседлости в этом крае в изучаемое время незаметно; сношений, завязавшихся позднее, Печорского края с Пермским еще не было. Таким образом, это были еще дикие места, к которым Москва имела один только путь – через Двину, то есть через Холмогоры. Этим и объяснялось большое значение Холмогор: они были узлом всех или почти всех торговых путей в северных окраинах государства. Кроме дороги по Выгу в Обонежье и в Приладожье и дороги по Онеге в Каргополь, изо всего Поморья не было иначе пути на юг, как чрез Двинское устье. Сюда сходились все товары, какими промышленял Русский Север: соль, рыба, меха, кожи, ворвань, моржовая кость, ловчие птицы, всякого рода дичь, перья и пух. Отсюда уже эти товары распределялись по разным внутренним рынкам, а взамен их в Холмогоры стекалось все, в чем нуждался Север, от хлеба до металлов. Появление европейских кораблей в Двинском устье и образование Архангельского порта усложнило и увеличило торговый оборот в крае во вторую половину XVI века, но не лишило Холмогор их значения для края. Архангельский город был местом торгового обмена с иностранцами и стягивал к себе население лишь на время ярмарки, на летнее время. Оседлого посадского населения считалось в нем не более 130 дворов при основании города в 1584 году и немногим более сотни в 20-х годах XVII столетия. Остальное население составляли стрельцы (200 дворов) и приезжие торговцы, наполнявшие своими товарами два больших гостиных двора. В Холмогорах же и в XVII веке (1622 г.), после того как часть его населения отвлечена была в новый город, число одних посадских дворов доходило до 500, да столько же было дворов стрельческих. Мы знаем, что на англичан в XVI веке Холмогоры производили впечатление «большого города». Таким же большим городом были они и в Смутное время, и после него. О том, что новый Архангельский город не отнял у Холмогор их роли в местном торгово-промышленном движении, лучше всего свидетельствует грамота двинским таможенными целовальникам 1588 года².

Северные промыслы – соляной, рыболовный и охотничьи – оказывали свое влияние на торговый оборот не только беломорской окраины, но и всего вообще московского севера. Движение добытых на севере товаров на внутренние рынки совершалось по определенным путям, на которых выросли крупные торгово-промышленные поселки, служившие местами склада и мены. Как уже сказано, главный путь от моря на юг шел по Северной Двине; по рр. Сухоне и Вологде он доходил до города Вологды, от которого начиналось сухопутье. От этой главной дороги в обе стороны отделялись боковые пути. Первый шел на восток, в зырянскую область рр. Вычегды, Сысолы и Выма, откуда были выходы через водораздел – парму в Печорский край, в Великую Пермь и далее в Сибирь. Второй путь от Устюга шел также на восток по р. Югу и далее сухопутьем на Каму и за Урал. Третий путь представляла собой р. Вага, бывшая в центре Важской земли. На перекрестках, в узловых и конечных пунктах этих путей и располагались важнейшие поселения края. При отделении вычегодского пути стоял Сольвычегодск, при впадении Яренги в Вычегду – Яренск, при устье Выма – Усть-Вымь, при устье Сысолы – Усть-

---

² Д. А. И., I, № 154 (А. А. Э., I, № 93 и 94, III). – А. И., II, № 72. – А. А. Э., I, № 204. – Гамель, «Англичане в России в XVI и XVII ст.», СПб., 1869, с. 39–40, 190–197. – Костомаров, «Очерк торговли Московского государства», СПб., 1889, с. 71, 88. – А. И., II, № 30. – Ефименко, о. с., с. 203. – Гамель, с. 211, 218. – Д. А. И., III, № 19. – Е.Е. Замысловский, «Герберштейн», СПб., 1884, с. 149. – В.О. Ключевский, «Сказания иностранцев о Московском государстве», М., 1866, с. 241. – Костомаров, о. с., с. 71–72. – Огородников, о. с., гл. IV–VI. – Чтения М. общ. ист. и др., 1884, IV, «Известия англичан», с. 92. – А. А. Э., I, № 338.

Сысольск. При слабой населенности края, в котором и теперь население не отходит от рек в лесную глубь, все эти места не отличались ни населенностью, ни оживлением. Исключением был один Сольвычегодск, в котором писцовые книги второй половины XVI века насчитывали около 600 тяглых дворов и в котором процветала в XVI веке торговля мехами, кожами и солью. С утверждением московской власти в Сибири гораздо большее значение получил город Устюг Великий, от которого пошла главная в XVI—XVII веках дорога в Сибирское царство. Она шла по рр. Югу и Лузе через Лальский городок на Каму в Пермскую землю, в Кайгород, Соликамск и Чердынь. Дорогой этой пользовалось и московское правительство, и частные люди. Служилые люди ехали в Сибирь через Вологду и Устюг, также везли туда и казенные запасы. В начале XVII века в Устюге были купцы, занятые исключительно сибирским торгом, о которых писцовая книга прямо говорит, что они «торгуют отъезжими товары в Сибирь», «отпускают со всякими товары в Сибирь». Таким образом, Устюг был в узле особенно оживленных в исходе XVI века путей, шедших из центра страны в ее единственный порт и в ее новую провинцию. Благодаря этому город вырос до первенствующего значения в крае и в начале XVII века был даже больше Холмогор, уступая только Вологде, которую, впрочем, мы помещаем за пределами Поморья. Писцовая книга 1630 года насчитывает в двух устюжских крепостях («старой осыпи» и новом «большом остроге») и на посаде до 700 тяглых дворов и около 100 нетяглых, не считая стрелецких дворов, стоявших до второй четверти XVII века не в особой слободе, а попеременно с посадскими дворами. В торговых рядах в Устюге было более 200 лавок и амбаров; кроме того, был гостиный двор и несколько площадок для торга с возов «из уезду всяких людей», «волостных крестьян». В составе населения Устюга, по писцовой книге 1630 года, видим большое число ремесленников и судовых рабочих. Город принимал участие в торговом движении по Двине, служил складочным местом для товаров, идущих в Сибирь и из Сибири, и, наконец, был центром местной торговли мехами, которые шли от иногородцев и русских промышленников в обмен на хлеб и другие продукты. Третий путь от низовьев Северной Двины шел по р. Ваге на юг и был важен тем, что зимой представлял наиболее удобное сообщение Двинского края с Москвой через Вологду. Он прорезывал обширный и сравнительно очень оживленный край, так называемую Важскую землю, состоявшую из нескольких станов и волостей по Ваге и ее притокам. Важская земля торговала с Холмогорами хлебом, маслом, сукнами, мехами, овчинами, смолой, сплавляя свои продукты по очень удобному речному пути на север. Степень торгово-промышленного оживления этого края измеряется не только суммой правительственных сборов с Важского уезда, достигавших при Б. Годунове 8138 руб., но и тем усердием, с каким сильные люди Смутного времени домогались получить Вагу в свое частное обладание. Смотря по тому, кто был в силе, Важская земля поступала в распоряжение то Годуновых, то Шуйских, то Салтыковых, то Заруцкого с Трубецким. С центром государства Вага сносилась через Вологду и Тотьму, чем отчасти и объясняется значение этого последнего городка, в котором существовала большая добыча соли и торг как солью, так и другими не только местными, но и привозными товарами. Как речная пристань Тотьма остановила на себе внимание англичанина Дженкинсона еще и тем, что «около этого города вода очень мелка, дно каменисто», и большие насады и дощаники шли здесь с трудом и, вероятно, паузились.

Таковы были пути, связанные с Северной Двиной. Движение по этим путям питало собой несколько городов, поддерживая в них торг и промысел; оно ставило их во взаимную зависимость, вызывая между ними обмен товаров и людей. Все эти города находились между собой в постоянных сношениях; в обычное время их сношения были только торговыми, в Смутное же время они получали иной характер и, как увидим ниже, могли даже становиться основанием военно-политической организации. Заметим теперь же, что в той мере, в какой движение по изученным нами речным путям направлялось к центру государства, оно всегда шло через

Вологду: понятно очень большое значение Вологды, раз ее нельзя было миновать на пути из Москвы в область Северной Двины³.

Другой путь от Белого моря на юг шел по р. Онеге на Турчасово и Каргополь. С Северной Двиной он связывался путем по р. Емце, притоку Северной Двины, а от Каргополя разветвлялся в двух направлениях: южном и западном. На юг шли дороги на Чаронду (оз. Воже), Белоозеро и Вологду и приводили на Москву; на запад шла дорога на р. Вытегру и Онежское озеро и приводила в Неву и Волхов. Таким образом, Каргополь лежал в узле нескольких дорог и потому был важным торговым городом. Костомарову он даже представлялся «важнейшим местом вывоза в Россию произведений Северного моря». Можно, пожалуй, согласиться с таким мнением, если под словами «Северное море» разумеют одни западные части Белого моря, главным же образом Онежскую губу. Из этих мест соль и рыба действительно направлялись на Каргополь и составляли предмет оживленного торгового оборота в Турчасове и Каргополе. О значительных размерах и порядке здешнего торгового оборота мы получаем отчетливое представление из таможенной грамоты, данной на Онегу в конце XVI века. К сожалению, нет полных сведений о самом городе Каргополе за XVI век; знаем только, что по сотной 1561–1564 гг. в Каргополе числилось 476 тяглых дворов, и потому можем сказать, что Каргополь принадлежал к числу крупных поселений московского севера.

Что касается до сообщений беломорского побережья с обонежскими и приладожскими местами, то, без сомнения, и здесь, в так называемых Заонежских погостах, были проторены постоянные дороги и были намечены пункты торгового обмена; но о них сохранилось вообще мало сведений. Все пути, шедшие с севера, сходились здесь к р. Свири, или же к городу Кореле; к последнему тянули «дикая лопь» и «лопские погосты», то есть некрещеные и крещеные лопари, раньше чем город Корела отошел к Швеции. Так как торговое движение в этом крае было слабо, то оно и не могло создать крупных поселений городского склада. Страна вообще была дика: «леса, и мхи, и болота неугожие». Пути сообщения хотя и существовали, но только, по выражению XVII века, «с нуею: зашли мхи и озера и перевозки через озера многая»; можно было ездить верхом, был «судовой ход Онегом озером на обе стороны по погостам», но не было «тележных дорог». Население живет здесь рассеянными поселками, «погосты сидят в розни»; не мудрено, что исследователь новгородских городских поселений в XVI веке А. Г. Ильинский мог отметить в Обонежье, кроме города Корелы, лишь несколько мелких рынков, «рядков», по берегам Онежского озера. Все погосты, окружавшие это озеро и расположенные между Онегой и Ладожским озером севернее р. Ояти, составляли особый административный округ, тянувшийся к Новгороду. В него входило до 16 погостов, кроме семи лопских, расположенных далеко на севере. С утверждением шведов на западном берегу Ладожского озера и с потерей Корелы, в конце царствования Грозного, этот округ получил значение пограничного и вызывал особые заботы правительства. Здесь насчитывали после Смуты крестьян дворцовых до 6000 дворов и монастырских до 3000; это население надо было охранить от возможного нападения шведов, и для его защиты посылались воевода с войсками, а в середине XVII века построена была Олонская крепость. Это был первый «город в Заонежских погостах на Олонце», и возник он, как видим, очень поздно⁴.

³ «История г. Соли Вычегодской, сочиненная А. Соскиным в 1789 г.» (из «Вологодск. епарх. вед.»), Вологда, 1881–1882, с. 32–33 и 50–52. – Дмитриев, «Пермская старина», I, с. 41. – Русск. ист. библи., II, с. 116, 119, 120. – Д. А. И., IV, № 127. – «Устюг Великий. Материалы для истории города», М., 1883, с. 2, 10, 19 и сл. – Кильбургер, «Краткое известие о русской торговле», СПб., 1820, с. 33, 36, 39, 58. – Костомаров, «Очерк торговли», с. 8–9, 212, 250, 257, 273, 288. – А. А. Э., I, № 233, 234, 361; II, № 25; III, № 112. – «Журн. Мин. внутр. дел», 1853, октябрь, Смес., с. 32–34. – А. Ю., № 209, IX–XII. – Д. А. И., III, № 27. – М. общ. ист. и др., 1884, IV, «Известия англичан», с. 30, и Костомаров, о. с., с. 211, 259, 316. – П. И. Савваитов, «Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря», СПб., 1850, с. 6, 39, 51–52.

⁴ Гамель, «Англичане в России», с. 109. – А. Ильинский, в «Журн. Мин. нар. просв.», 1876, июнь, с. 261–265. – Костомаров, «Очерк торговли», с. 113. – С. Г. Гр. и Д., II, № 69. – А. И., I, № 141, 152. – Н. Д. Чечулин, «Города Моск. государства», СПб., 1889, с. 42, 49, 51. – А. Ильинский, о. с., с. 250–253, 262. – Никитский, «Очерки экономич. быта Великого Новгорода», с.

Для полноты обзора поморских городов и мест нам осталось сказать о землях Вятской и Пермской, история которых в последнее время достаточно освещена трудами местных исследователей. Под старинной Вяткой, Вятской землей разумели уезды четырех городов: Хлынова, Слободского, Орлова и Котельнича, расположенные по среднему течению р. Вятки и нижнему р. Чепцы. К Вятке же тянул и лежавший по верховьям р. Чепцы вояцкий округ, в котором льготными земледельцами были казанские выходцы, известные под названием «арских князей» или «каринских татар», по месту новой их оседлости в Каринском стане. Насколько можем судить по скудным известиям XVI и начала XVII века, Вятка не была богата русским населением: в самом крупном ее городе Хлынове в 1615 году было дозором сосчитано около 600 дворов тяглых и нетяглых с отметкой, что сравнительно с прежним дозором конца XVI века в городе прибыло до 200 дворов. Значит, в царствование Федора Иоанновича Хлынов состоял всего из 400 приблизительно дворов. Прочие города были значительно менее. В пору большей своей населенности, в середине и исходе XVII века, Вятская земля заключала в себе 10–12 тыс. дворов, русских и инородческих. В XVI веке было, конечно, менее. Бурный период в жизни Вятского края миновал с замирением Казани и черемис, и земледельческий труд, служивший основой вятского быта, казалось, был избавлен от внезапных потрясений. Но в конце XVI и начале XVII века на вятчан легли новые тяготы. Расположенная между центром государства и только что приобретенной инородческой окраиной Сибирью, Вятка должна была принять свою долю, и притом большую долю, в усилиях Москвы укрепить за собой Сибирское царство. В последнюю четверть XVI века в Сибирь, где только что было построено несколько крепостей, в большом числе посылались чиновные и ратные люди; вербовалось и передвигалось население для этих новоустроенных в Сибири чисто военных городов; отправлялись туда всякого рода запасы и оружие. Такое напряженное движение на восток отзывалось на Вятском крае чувствительным образом. Кроме того пути в Сибирь, который шел севернее Вятки, от Устюга на Кайгород и Соликамск, вошел в употребление и новый путь от Нижнего Новгорода через Яранск и Вятскую землю, Котельнич и Хлынов, на тот же Кайгород и далее. Вятское население необходимо должно было содействовать сообщению с Сибирью на обоих путях, не только содержа ямы в своей земле, но высылая ямщиков и давая средства для содержания ямской гоньбы и в Пермской земле. Это была тяжелая повинность, вызывавшая жалобы вятчан и на ее размеры и на недостатки в ее организации. Дело стало для Вятки лучше, когда в 1607 году личную ямскую повинность в Соликамске заменили для вятчан денежным сбором в пользу пермских ямов. Размеры этого сбора доходили до 500 руб. ежегодно. С другой стороны, Вятка служила Сибири своим хлебом: уже в 80-х годах XVI века начали на Вятке, как и в других поморских местах, собирать «сибирский хлеб» на корм государевым людям в сибирских городах; при этом не только надо было собрать хлеб, но требовалось еще и доставить его в сохранности до Лозвы или до Верхотурья под присмотром земских целовальников и рабочих «плотников», на обязанности которых лежала постройка судов для хлеба на главных сибирских реках. О размерах хлебного сбора можем судить по примеру 1596 года, когда вятские целовальники свезли на Лозву всего 3260 четвертей муки и зерна. Наконец, на Вятке, как и вообще в Поморье, шел «прибор» людей на службу в Сибирь, а рядом с этой вербовкой охотников производилось иногда и принудительное переселение в Сибирь. Таким-то образом сибирские дела в конце XVI века стали тяготеть над вятским населением и определять собой направление его общественных интересов, заменив в этом отношении прежний страх татарского набега и «черемисской войны».

Еще в большей степени сибирские дела влияли на Пермский край, который прикрывал с востока вятские места и все Поморье от татар, вогуличей и остяков. Военное значение Перм-

---

90. – Неволин, «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке», с. 228–229 и приложение VI. – Д. А. И., т. III, № 64, с. 230–231; т. VIII, с. 135. – «Журн. Мин. нар. просв.», ч. 181, с. 116 (перечень Лопских погостов в примеч. 2-м) и Русск. ист. библ., II, № 119 и 120.

ского края чувствовалось и после утверждения Москвы в Сибирском царстве: еще в 1609 году пермичи писали про свой край, что у них «место порубежное», требующее осторожности и особой охраны. В сущности, поход за Камень, приведший к покорению царства Кучума, был одним из военно-пограничных предприятий, к которым Пермь издавна привыкла; он составил решительный шаг в том деле замирения северо-восточной окраины государства, которое считалось прямой задачей пермской администрации и пермского населения. Вспомним, что самое пожалование Строгановым земель по рр. Каме и Чусовой было обусловлено обязанностью устроить военную защиту пожалованных мест и что в 1572 году Строгановы приглашались с их ратными людьми усмирять изменившую царю черемису и других инородцев. Обращение окраинных земель в частную собственность богатой средствами и силами семьи Строгановых мы считаем таким же правительственным приемом, как и тот, который мы указали в Беломорье в отношении Соловецкого монастыря. И здесь и там не хватало у правительства собственных средств; оно пользовалось бывшими налицо частными силами, передавая им свои функции и взамен создавая широкие льготы и исключительные права своим помощникам. Так на пермской окраине возник в XVI веке ряд крепостей, правительственных и частных, обращенных на восток и послуживших операционным базисом не только при завоевании Сибирского царства, но и при его заселении и переустройстве на московский лад.

Из правительственных городов первое место в Пермском крае безраздельно принадлежало Чердыни до самого исхода XVI века, до тех пор, пока старый путь в Сибирь, шедший через Чердынь, не был заменен более короткой дорогой, прошедшей от Соликамска прямо на Верхотурье, минуя Чердынь. С этой заменой роль передаточного пункта между Москвой и Сибирью перешла к Соликамску, а Чердынь осталась при старом своем значении – административного центра инородческой окраины. Оба эти городка были невелики. В Чердыни было около 300 тяглых дворов в 1579 году, и число это несколько уменьшилось (до 276) к 1623–1624 годам; в Соликамске считали 352 тяглых двора в 1579 году и 333 в 1623–1624 годах. Оба города имели цитадели – деревянные «города» небольшого размера, – и у обоих посады были защищены вторыми, внешними стенами – острогами. Третий город Пермской земли Кай был еще меньше: в нем число дворов не превышало 150 даже в исходе XVII века. Значение этого города состояло в том, что он находился на распутье дорог, шедших из Перми Великой на Двину и Москву, и был самым западным пунктом Пермской земли, чрез который она сообщалась с остальными государствами. Во владениях Строгановых в XVI веке выстроено было три городка, слывших под названием «слобод»: Канкор на Каме, уступленный владельцами Пыскорскому Спасскому монастырю, Орел (или Кергедан) на Каме же и Чусовая слобода на р. Чусовой. Если не ошибаемся, ни в одном из этих городков не было и сотни дворов. Трудно, конечно, определить степень населенности Пермского края в XVI веке, в то время когда русское население в нем едва оседало, но нельзя сомневаться, что населения там не было много. В 1579 году в Чердынском уезде переписано было 1218 дворов, в Соликамском всего 144 двора. Что было за Строгановыми в 1579 году, точно сказать нельзя, но в 1623–1624 годах за ними считалось 933 двора во всем Пермском крае; для времени на сорок лет ранее это число надобно уменьшить. Как бы ни были преуменьшены, сравнительно с действительностью, все эти цифры фискальных ведомостей, они говорят нам все-таки очень красноречиво о слабой населенности Перми Великой. Ни особенных богатств, ни торгового оживления, ни развитой производительности нам нечего искать на этой окраине. Солеварение, выделка кож, охота, кое-где земледелие, торговля с инородцами камскими, вычегодскими, печорскими – вот занятия пермского населения. Если в этом краю Строгановым удалось так скоро и прочно поставить сложное и богатое хозяйство, то причины этого не в сказочном богатстве захваченных ими в Великой Перми земель, а в старых источниках их экономической мощи, вообще еще мало исследованных. Дружина Ермака вряд ли бы выросла до 850 человек, если бы ее вербовали силами одних пермских строгановских вотчин. Она создана была на те же ранее скопленные

средства, на которые содержалась и 1000 «казаков с пищалми», посланных Строгановыми в 1572 году на царскую службу против крымцев⁵.

До сих пор мы изучали в Поморье главнейшие места торгового и промыслового пути, соединявшие эти места между собой и с центром государства. Нельзя сомневаться в том, что за исключением разве Архангельского порта, все торгово-промышленные пункты в крае держались на местных промыслах и питали свой торг продуктами местной производительности. Эти продукты отличались значительным разнообразием и находили хороший сбыт и на внутренние рынки и за границу. Между ними главное место занимали меха, рыба и соль и далеко не главное – хлеб. По условиям климата и почвы, пашня и покос на севере не везде были возможны и почти нигде не были исключительным видом хозяйственного труда. Вот почему, как ни малолюднен был московский север, как ни мало было на нем крупных торгово-промышленных поселений, он все-таки имел характер торгово-промышленного района сравнительно с московским земледельческим югом. Этим мы вовсе не хотим сказать, что в Поморье не было земледельческих хозяйств. Напротив, можно даже удивляться той настойчивости, с какой житель северного края держался за соху при самых дурных условиях земледельческого труда. Надобно только помнить, что этот земледельческий труд был для него, в большинстве случаев, хозяйственным подспорьем, а не основанием его хозяйства. При постоянных недородах и малоурожайности земледелие на севере оправдывалось только необходимостью: разобщенные между собой, удаленные от крупных рынков северные поселки не могли рассчитывать на правильный подвоз хлеба с юга, на возможность скорой и удобной мены на хлеб того товара, которым они бывали богаты. Так обстоятельства создавали жителю Поморья двойственную физиономию – промышленника и земледельца, пахаря и в то же время солеваря, рыболова, зверолова и т. п. Чем далее на север, тем заметнее становился элемент промышленный; чем гуще было инородческое население, тем слабее была способность и склонность к землепашеству.

В такой обстановке жизни и труда какая общественная организация господствовала в крае? Давно замечено, что на севере Московского государства не было того служилого землевладения, которое так характерно для западных, центральных и южных частей страны. Служилый вотчинник или помещик не был надобен на севере с его дорого обходившейся службой. Слишком много стоило бы правительству содержание помещика и его конной дворни в стороне, где из 10 лет только 4 было урожайных и где к тому же полевая конница не была пригодна, потому что враг или приходил на ладьях по морю и рекам, как «свейские» и «каянские немцы», или держался в лесах и топях, пустоша страну «изгоном», как делали инородцы на востоке. Против этих врагов нужна была крепостная ограда и пограничный сторожевой пост на укрепленной границе; а за укреплениями хорошо служил и пеший стрелец или пушкарь, содержание которого стоило немного, который получал весьма малый земельный надел, и то не всегда, и умел совмещать службу с промыслом и торгом. Стрельцы же действовали и в открытом поле, вместе с казаками и даточными «посошными» или «подымными» людьми, которые нанимались и набирались на случай, в трудное время, когда ждали войны. Правительство ничего не тратило на этих последних: казаков и даточных людей содержали те, кто их нанимал или кто их выбирал, то есть города или землевладельцы. Соловецкий монастырь содержал даже и стрелецкие войска, бывшие в его владениях. Итак, на Севере были только гарнизонные вой-

---

⁵ «Вятка. Материалы для истории города», М., 1887, с. 6–7. – «Древние акты, относящиеся до истории Вятского края», Вятка, 1881. – Д. А. И., VIII, с. 133; XII, № 14. – Р. ист. библ., II, с. 127 и А. А. Э., II, № 101. – А.А. Спицын, статьи о Вятском крае, извлеченные из местных изданий; а) «Вятская старина», 1885; б) «Земля и люди на Вятке XVII ст.», 1886; в) «Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII ст.», 1887; г) I. «Местное и областное управление на Вятке до XVIII в.»; II. «К истории вятских инородцев», 1888; д) «Оброчная земля на Вятке в XVII в.», 1892. – И.Н. Смирнов, «Вотяки», Казань, 1890. – А. А. Э., II, № 124. – Д. А. И., I, № 117–120. – А. Дмитриев, «Пермская старина», I–IV. – С.А. Адрианов, рецензия на труд Дмитриева (из «Отчета о 37-м присуждении Уваровских наград») с ценными картами Пермского края, СПб., 1896. – Устрялов, «Именитые люди Строгановы», СПб., 1842. – И.Н. Смирнов, «Пермяки», Казань, 1891. – Шишонко, «Пермская летопись», I, Пермь, 1881. – «Записки Императорского русского архивного общества», т. VIII, вып. 1 и 2, с. 59.

ска и не было землевладельческого служилого класса; но это не значит, что там не было частного землевладения вообще. Во-первых, монастыри, как упоминалось выше, с большим успехом копили земли, получая их от государя или приобретая из частных, крестьянских рук. В монастырских вотчинах, как известно, существовал порядок, совершенно подобный порядку в крупных земельных хозяйствах привилегированных светских владельцев, дело велось руками монастырских крестьян и половников, над которыми тяготело уже прикрепление, имевшее опору если не в прямом государевом указе, то в укоренившемся юридическом обычае. Во-вторых, на праве личном владели земляки и светские люди: или последние потомки новгородского и двинского боярства, удержавшиеся на обломках конфискованных Москвой боярщин, или «своеземцы» из крестьянской среды, разбогатевшие от счастливого торга и промысла. В-третьих, землевладельцем Поморского края можно считать и самого великого государя Московского, если помнить, что в Поморье были «дворцовые» земли, и если признавать, что право собственности на «черные» земли принадлежало не их действительным владельцам, а великому государю. Принимая эту точку зрения, мы можем не вводить в наш перечень владельческих элементов в крае – крестьян, «владевших своими деревнями», сидевших «на государевой земле», но на своих «ржах и распашах». В-четвертых, наконец, правами землевладельческими пользовались церкви. Они в северном крае имели своеобразное общественное значение, служа не для одной только молитвы. Церковная трапеза была местом для мирского схода и суда; при церкви призывались убогие и бедные. Отсюда та заботливость, с какой северное крестьянство относилось к благосостоянию своих церквей.

Такое распределение права собственности на землю придавало московскому северу оттенок демократичности. Высший слой московского общества – боярство и московское дворянство – отсутствовал в этом крае. Из местных землевладельцев не могло составиться такого круга привилегированных лиц, который мог бы усвоить себе политические притязания на почве аграрного господства и мог бы увлекать за собой население к достижению местных и частных целей. Владельцы старых «боярщин» и вновь разжившиеся семьи, вроде вычегодских Строгановых, чердынских Могильниковых, двинских Бажениных и др., были редкими исключениями, жили и действовали в одиночку и не всегда успевали даже обелять свое тяглое богатство. Монастыри же в сфере земельного хозяйства искали только хозяйственного дохода и не обращали своих сил и средств на сторонние цели. На монастырских землях, как бы ни была велика зависимость земледельца от монастыря, крестьянин чувствовал государево тягло, которое падало на его крестьянский «мир» и давало этому миру известное устройство. Тот же «мир» – крестьянский или посадский – действовал уже с полной свободой от частных воздействий на черных и дворцовых землях – «в государевой вотчине, а в своем поселье». «Мир» – это и есть та общественная форма, которой преимущественно жил Север; она смотрит на нас отовсюду: и с государевой земли, и из-за монастырского тархана, и из-за строгановских льгот.

Как известно, старые представления об этом «мире», то есть тяглой севернорусской общине, потерпели крушение после наблюдений А. Я. Ефименко и последующих исследований. Теперь вряд ли кто решится представлять себе «волость» XVI века с теми чертами крестьянской общины, какие, по указанию позднейшей практики, получили определение в 113-й статье Положения 19 февраля 1861 года. Осторожнее не настаивать на существовании в волостях не только общинного хозяйства с земельными переделами, но и вообще однообразного порядка землевладения и землепользования. Объединенная податным окладом и организованная в целях правительственно-финансовых, «волость» (и всякое аналогичное ей деление) прикрывала своей внешней податной, а местами и судебно-полицейской организацией весьма различный хозяйственный строй – от патриархально-родовой общины до простой совокупности частных хозяйств, принадлежащих владельцам разного общественного положения. Но это разнообразие внутреннего строения тяглых общин не мешало им выработать твердый и однообразный порядок в разверстке и отбывании государева тягла и в устройстве общинного

управления, отданного властью в руки самих тяглых общин. Как совокупность плательщиков, организующих порядок своего платежа и наблюдающих за исправностью податных хозяйств, волостной «мир» представляет собой нечто определенное и однообразное, такую действительную силу, которой правительство не колеблется верить не один сбор подати, но и охрану полицейского порядка и вообще администрацию и суд в губных и земских учреждениях. Особенно интересно, что губное право распространяется в XVI веке не в одних государевых черных землях, но и среди крестьянских «миров», живущих в монастырских вотчинах. В смутную пору, как увидим в своем месте, тяглые «миры» Поморья явили большую способность к самостоятельности и нашли в себе и средства и людей как для устройства своих внутренних дел, так и для борьбы за то, что они считали законным и правым.

Таким представляется нам московское Поморье.

II

Замосковные города. Характеристика замосковных городов и уездов

Переходя к старинному московскому центру, носившему своеобразное название замосковных городов, попытаемся прежде всего указать границы этого центра. Их можно определить только приблизительно. На севере границей служил водораздел между северными реками и водами Волжского бассейна, кончая Ветлугой. За этой рекой на восток начинались поселения инородцев; они-то, спускаясь к югу, и образовывали собой восточную границу замосковных городов. Она шла по Ветлуге, пересекала Волгу западнее Васильсурска и, направляясь между Окой и Сурой на Арзамас, от него поворачивала к Мурому на Оку. Там, где давно оселил в населении русский элемент, была замосковная волость; там, где начинались инородческие поселки черемис, мордвы, чувашей, татар, начинался Низ, понизовые города. Этнографический рубеж, всегда отличающийся неопределенностью, и здесь намечался приблизительно: московские люди ставили Нижний Новгород, Арзамас и Муром иногда в число понизовых, иногда же в число замосковных городов. Дойдя до Оки у Мурома, граница шла по прямой линии на Коломну, оставляя города, стоящие на самой Оке, вне Замосковского района, в разряде рязанских. От Коломны через Серпухов и Можайск (по р. Протве) она выходила далее на верховья Волги и на водораздел между этой рекой и реками Ильменя и Ладожского озера; следуя по водоразделу, она доходила до белозерских мест, где уже начиналось Поморье. В указанных пределах лежали земли старых великих княжений Владимирского, Московского, Суздальско-Нижегородского и Тверского, составлявшие коренное Великорусье, обладавшее издавна плотным населением, сравнительно высокой хозяйственной культурой, промышленным и торговым оживлением. Кроме Москвы, в этом пространстве было несколько первостепенных по торговому и промышленному значению городов. Вологда, Ярославль и Нижний Новгород были крупнейшими во всем государстве городскими поселениями, с которыми могли равняться, кроме столицы, только Великий Новгород и Псков. Торговое движение совершалось по многим давно проторенным и налаженным путям; некоторые из них имели большое значение для страны и пользовались известностью в XVI—XVII веках. Таков прежде всего путь из Москвы на север через Троице-Сергиеву лавру, Александрову слободу, Переяславль-Залесский, Ростов и Ярославль. От Ярославля далее этот путь разветвлялся. Прямо он шел на Вологду и связывал Москву с Поморьем. Левее, по Волге и Мологе, он вел в старую Бежецкую пятину, а по Волге и Шексне он шел на Белоозеро и связывал Москву с Каргопольским уездом, Обонежьем и Приладожьем. Так было летом; зимой с устьев Мологи и с Шексны ездили на Москву через Углич. Вправо от Ярославля шел путь на Кострому и Нижний Новгород в среднее Поволжье и соединял это последнее через Вологду с Северной Двиной. Через Кострому от Ярославля ехали на Галич и Вятку; этот путь знал уже Герберштейн, но в его время на галицкой дороге

грабили еще незамиранные черемисы; позднее эта галицкая дорога стала ветвью сибирской дороги, пошедшей от Нижнего на Яранск и далее.

В этой сети путей важнейшее значение имели Вологда с Ярославлем. Вологда по своему положению была неизбежной станцией для всякого товара, шедшего с Поволжья на север и с севера в центр государства, и притом такой станцией, где товар должен был перегружаться с телег и саней на суда или обратно и иногда выжидать полой воды или зимнего пути. Когда устроился в устьях Северной Двины торг с иноземцами, весь среднерусский отпуск в Архангельский порт сосредоточивался весной в Вологде и перед погрузкой на суда подвергался таможенному досмотру. Иноземцы, главным образом англичане, сами являлись в Вологду для закупки товаров по более сходной цене, минуя лишних посредников, и сами везли с моря товары по Двине до Вологды, устроив здесь для них свои дворы. Таким образом Вологда стала играть важную роль во внешней торговле государства, не утратив и прежнего значения посредницы между Поморьем и центральными московскими областями. Этим объясняется большой рост Вологды в XVI веке и внимание, которым дарил ее Иоанн Грозный. При самом начале своих сношений с Москвой англичане уже развели, что Вологда – лучшее место для склада английских товаров, потому что она отлично расположена и торгует со всеми городами Московского государства, и они построили там свой дом, «обширный, как замок», по выражению Исаака Массы. Заграничный торг так оживил и без того процветающий город, что сам царь приехал в Вологду и выстроил в ней каменный большой кремль. С тех пор, с 60-х годов XVI века, Вологда заняла одно из самых видных мест в государстве. Особенно оживая в известные периоды – пред открытием архангельского торгового пути, при начале навигации по Сухоне и Двине и после окончания этого торгового пути, когда заморские товары шли вглубь страны через Вологду, – Вологда и в остальное время года не замирала. Город славился культурой льна, прядильным и ткацким делом, кожевенным производством и вел самый разнообразный торг. К сожалению, от XVI века не сохранилось точных сведений о величине города и о составе его населения, и мы должны довольствоваться самыми общими отзывами иностранцев, которым Вологда представлялась большим городом с развитой торговлей. Официальные сведения получаем от XVII века; самые ранние относятся к 1627 году, к тому времени, когда Вологда еще не оправилась от потрясений Смутного времени. Писцовая книга 7135 (1627) года, по изложению А. Е. Мерцалова, насчитывает около 1000 жилых дворов в городе (423) и на посаде (518), да сверх того 155 пустых дворов и до 400 пустых дворовых мест. Уже одно это количество пустых дворов и мест склоняет к мысли, что «вологодское разоренье» было велико; совсем же утверждают в ней следующие данные: из всего числа жилых дворов в Вологде только 302 жилых двора принадлежало собственно тяглу торгово-промышленному населению, и в их числе всего один двор был сосчитан «лучшим», три – «средними» и 112 – «молодшими»; остальное была беднота, «не пригодившаяся въ тягло». Из этого ужасного состояния вологжане, однако, скоро вышли: в 1678 году по переписной книге в Вологде «на посаде» было уже 975 дворов, а всего с дворами в городе считалось 1420 дворов. Это для конца XVII века очень высокая цифра. Не считая Великого Новгорода и Пскова, о которых будет особая речь, Вологда числом дворов уступала по переписи 1678 года только Москве (4845 дворов) и Ярославлю (2236 дворов)⁶.

Если Вологда была конечным узлом северных путей, шедших в центр государства, узлом, в котором они соединялись в один общий путь, то Ярославль был перекрестком, в котором

---

⁶ «Книга Большому чертежу», изд. Языкова, с. 207–208. – А. А. Э., I, № 167. – Е.Е. Замысловский, «Герберштейн», с. 465 и 466. – Спицын, «Подати, сборы и повинности на Вятке», с. 6. – Р. ист. библи., XIII, с. 254–255. – И. Масса (в изд. Археограф. комиссии), с. 256. – В.О. Ключевский, «Сказания иностранцев о Моск. государстве», с. 240. – Чтения М. общ. ист. и др., 1884, IV, «Известия англичан», с. 93. – А.Е. Мерцалов, «Вологодская старина», СПб., 1889, с. 37–39, 56–59 (сравн. Д. А. И., VIII, с. 134). – Слич. Д. А. И., VIII, с. 128; «Описание док. и бумаг арх. Мин. юст.», IV, «Обозрение ист. – геогр. материалов» Н.Н. Оглобина, с. 405 и 488; Соловьев, «Ист. России», т. XIII, прилож. 1, § 12 и т. IX, изд. 1893 г., с. 1136–1137. – Сборник кн. Хилкова, с. 15, 20. – Костомаров, «Очерк торговли», с. 90–91 и др.

пересекались пути, соединявшие восток и запад, север и юг Московского государства. Мы видели, сколько дорог расходилось из Ярославля на Нижний Новгород, Галич, Вологду, Белозеро и в Новгородский край, не считая дорог на Москву и Углич, соединявших Ярославль с московским югом. Одна только стольная Москва могла поспорить в этом отношении с Ярославлем, представляя собой такое же скрещение путей, уже давно и столь хорошо описанное С. М. Соловьевым. Не мудрено, что Ярославль был так многолюден и оживлен и слыл одним из самых красивых городов. «Строением церковным вельми украшен и посадами велик», – говорит о нем даже сухая «Книга Большому чертежу»; англичане Ченслер, Флетчер и Томас Смит называют Ярославль большим, красивым и богатым городом. Только укрепления Ярославля, к его несчастью, не содержались в должном порядке ни до Смуты, ни после нее. Красота ярославских церквей известна современным нам археологам; величина посадов ярославских определяется приведенным выше числом посадских дворов, которых в 1678 году занесли в переписную книгу 2236; по сметным же книгам Ярославля дворов «посадских, жилецких и беломестцев всяких людей» считалось в городе, на посаде и по слободам в 1669 году 2803, а в 1678 году – 2861; а во дворах было переписано одних только способных носить оружие людей в 1669 году 3468 человек, в 1678 году – 3720 человек. Конечно, для конца XVI века эти цифры следует изменить, вероятно уменьшив их, но они все-таки могут дать понятие о том, насколько Ярославль превосходил в отношении населенности другие города Московского государства. Трудно перечислить все промыслы и торги, которыми кормились ярославские жители; город принимал деятельное участие как в местном торговом движении Поволжья, так и в торге с иноземцами, и на его рынках и пристанях обращалось решительно все, что поступало в торговый обмен и промысловый оборот; в уезде же Ярославском было развито ткацкое дело, а на Волге – рыбные промыслы.

На дороге между Вологдой и Ярославлем не было сколько-нибудь важных поселков, хотя страна была, по отзывам англичан середины XVI века, очень населена. Между Ярославлем и Москвой были старые города Ростов и Переяславль и знаменитый Троице-Сергиев монастырь, получивший в середине XVI века надежные каменные стены. Насколько можно судить по дозорной книге Ростова 1619 года о состоянии города до Смутного времени, Ростов не процветал и держался былой славой и митрополичьим двором. Томас Смит, видевший Ростов в 1604–1605 годах, говорит о нем, что это «старинный, но полуразрушенный большой город»; описи города в XVII веке свидетельствуют уже о полном разрушении его укреплений: опись 1664 года описывает только вал со «многими порчами», а по описи 1678 года укреплений и вовсе не оказывается. Если собрать указания дозора 1619 года о прежнем составе городского населения до погромов, разоривших город в Смуту, то увидим, что в городе было около 120 дворов, принадлежавших митрополичьему штату, до 60 дворов, принадлежавших церковным притчам и монастырям, 23 «боярских княженецких и боярских (по другому списку: монастырских) белых» двора, до 50 дворов каменщиков, рассыльщиков и ямщиков и до 200 тяглых хозяйств (дворов, полудворов и т. д.). Цифры эти приблизительны, но, во всяком случае, пригодны для того, чтобы предостеречь нас от возможности преувеличить размеры «великого» Ростова. И в XVII веке, по упомянутым описям, число посадских, годных к бою, не превышало в Ростове 700–800 человек; в XVI веке их было, конечно, меньше. В том же роде был и Переяславль-Залесский. Т. Смит замечает об этом городе, что он в упадке. Такой отзыв находит некоторое подтверждение и разъяснение в словах «сметной росписи» Переяславля 1655 года. Там говорится, что «город деревянной, опроче башен весь валится, а на башнях кровли погнили», «ров зарос и во многих местах заплыл», – разрушение давнее и полное. Населенность Переяславля в XVI веке трудно определить; но от середины XVII века сохранилось ценное указание, что все вообще население Переяславля исчисляли в 4566 человек: в мор 1654–1655 годов здесь умерло 3627 человек, а осталось в живых 939 человек. По книгам же 1678

года, в Переяславле насчитывали 946 человек, способных носить оружие, причем в это число введены были и 242 рыбных ловца из известной рыболовной слободы в Переяславле⁷.

На тех дорогах, которые отделялись в Ярославле вправо и влево от главного пути на Вологду, находилось несколько примечательных городов и поселков. Недалеко от Ярославля, на высоком левом берегу Волги, лежал городок Романов, отданный при Иоанне Грозном в кормление служилым татарам Ильмурзе Исупову с детьми, а против Романова была рыболовческая Борисоглебская слобода, ныне соединенная в один уездный город с Романовом. Отдельно взятые, оба поселения не могли бы назваться крупными: в 1631 году в слободе было только 178 посадских дворов; в 1678 году в Романове был 381 двор, в слободе – 210 дворов. Но вместе два поселка образовывали людную и бойкую торгово-промышленную пристань. На р. Мологе, у границ Бежецкой пятины, лежала Устюжна Железопольская, а ниже ее по течению Мологи было торговое монастырское село Весь Ёгонская. Здесь происходили главные торги Моложского края после того, как правительство в 1563 году окончательно запретило торговать у Бориса и Глеба на Старом Холопье (верст 70 ниже Веси), где, по преданию, бывала в старину огромная ярмарка. Можно не верить баснословному описанию моложских торгов у Каменевича-Рвовского, но нужно признать, что Устюжна играла некоторую роль в торговом движении между Приладожьем и Поволжьем. В ней самой происходила главным образом выделка железа из болотной руды, чем занималась половина всех городских ремесленников (119 из 245); но по р. Мологе она получала волжские товары и передавала их новгородскому Тихвину, а оттуда, в свою очередь, получала заморские товары для передачи Москве. Положение на торговой дороге развило на Устюжне значительный торг, дававший казне более 130 руб. ежегодно таможенных пошлин. Сохранился от 1642 года акт, в котором описана эта «дорога из-за рубежа к Москве старинная, прямая»: «От Орешка Ладожским озером на Сяское устье... и Сясю и Тихвиной реками приезжают на Тихвину, а с Тихвины ездят к Москве и по городом на Устюжну, в Кашин, в Дмитров». Торговое движение на прямой, старинной дороге, а также связь (через волость Устреку) с знаменитым Мстинским путем, по которому главным образом шли сношения Великого Новгорода с Замосковьем, – вот что поддерживало Устюжну и делало ее весьма заметным центром Моложского края. Это был довольно большой, хотя и пустевший, город: в исходе XVI века в нем считали 275 жилых дворов церковных и тяглых владельцев и 303 пустых двора и дворовых места. Что же касается до числа населения в городе, то об этом можем заключать только косвенно: когда в 1609 году устюжанам пришлось обороняться от тушинцев, они собрали в своей только среде 600 ратников, кроме 27 дворян и детей боярских, бывших в городе. Что это были устюжане, а не случайно собравшаяся рать, заключаем, во-первых, из слов «сказания», которым пользуемся: «Прибылных же людей на Устюжне в то время не бе ниоткуда ни единого человека»; а во-вторых, и по сотной выписи конца XVI века насчитывается на Устюжне не менее 500 взрослых посадских людей. От немецкого рубежа Устюжна была закрыта болотами, уцелевшими и до нашего времени, и потому не была в XVI веке укреплена: «В то время на Устюжне острогу и никакия крепости не имели», – говорит «сказание» о нашествии тушинцев на Устюжну. Не крепче был и Белозерск, в котором «город» был худ одинаково и в 1565, и в 1612 году; а между тем этот город был местом ссылки, смежные же с ним берега верхней Шексны, так называемые Горы, в XV–XVI веках считались не столько крепким, сколько удаленным от границ убежищем, куда можно было укрыться от

---

⁷ Соловьев, «Ист. России», т. I, гл. 1 и т. IV, гл. 3. – «Книга Большому чертежу», изд. Языкова, с. 140. – Флетчер, гл. IV; «Сэра Т. Смита путешествие», СПб., 1893, с. 24 и 25; «Чтения» 1884 г., IV, с. 2. – Устрялов, «Сказания о Д. Самозванце», II (изд. 3), с. 180. – Н.Н. Оглоблин, о. с., с. 213–214 и 405. – Д. А. И., IX, с. 223. – Костомаров, «Очерк торговли», с. 10, 221, 232, 250, 253, 311, 314 и др. – «Ростов. Материалы для истории города», М., 1884, с. 36, 1–5, 19–38; также «Дозорные и переписные книги древнего города Ростова», изд. А.А. Титова, М., 1880, и Приложение к т. XI «Русск. ист. библиотеки», СПб., 1889. – Д. А. И., IX, с. 223 и № 12. – «Переяславль-Залесский. Материалы для истории города», М., 1884, с. 4. – Д. А. И., III, с. 520; т. IX, с. 222; слич. А. А. Э., I, № 143 и 261.

нашествия неприятеля. Место, на котором стоял город Белозерский и смежные с ним монастыри – и между ними главнейший Кириллов, – было замечательно как волок. К нему сошлись воды Волжского, Двинского и Онежского речных бассейнов; недалеко было и озеро Онежское. На таком месте не могло не быть торга; таможенные грамоты 1497 и 1551 годов удостоверяют, что он был и уже в 1497 году давал правительству большой таможенный доход – 120 руб. в год. Главные связи у Белоозера были с севером, откуда белозерцы получали соль и меха, отправляя туда хлеб; но торговали они с Приладожьем через Устюжну и Вытегру. Местным промыслом был рыбный; в городе существовал особый «рыбный двор», ведавший рыбные ловы на государя. Населенность Белозерского города определяется только для второй половины XVII века, в нем было в 1678 году 262 двора на посаде, а в 1660 году насчитывалось около 600 посадских людей, годных к бою. Значение второго центра в Белозерском крае имел Кириллов монастырь, развивший на своих землях громадное хозяйство. От Белого моря и до Москвы разбросаны были эти земли и на них заведены были, рядом с пашнями, разнообразные промыслы. В Поморье был у монастыря главный промысел – соляные варницы, из которых добычу «проводили водяным путем на Вологду», в оттуда, главным образом по многоводной Шексне, развозили по разным рынкам: по словам монастырских властей, они «ту соль продают на Двине, и во Твери, и в Торжку, и на Угличе, и на Кимре, и в Дмитрове, и в Ростове, и на Кинешме, и на Вологде, и на Белоозере с пригороды и по иным местам: где соль живет поценнее, и они тут и продают». Избыток хозяйственных сил и средств позволял монастырю избирать лучшие места сбыта, а влияние его властей в столице вело к освобождению прибыльного торга ото всяких пошлинных сборов. Монастырь богател и мало-помалу собирал в свои руки земли и воды по Шексне, овладевая исподволь тем краем, в котором сам находился. На рубеже XVI и XVII столетий власти монастыря получили разрешение перевести ярмарочные торги из-под самого монастыря в свою волость Словенский Волочок, верст за 50 от Белозерского города, и там устроили такой великий торг, что сразу отвлекли от города всех приезжих торговых людей; казне пришлось при этом охранять свои интересы, устраивая в новом торге новую таможду и ограничивая льготы, данные монастырю. Такова была сила монастыря в Белозерском крае.

Если перейдем на восток от линии Ярославль – Вологда за р. Кострому, то между рр. Костромой и Унжей встретим старинные поселения удельного Галицкого княжения – город Галич-Мерьский с его пригородами: Солигаличем, Чухломой, Унжей, Парфеньевым, Кологривом и др. Леса костромские по Костроме, унженские (или унежские) по Унже с двух сторон составляли естественную границу Галицкого уезда, придавая ему характер обособленности: Галич был центром этого уезда; Кострома и Тотьма были как бы выходами из него на юг и север. Рыболовство, лесные промыслы, варка соли, землепашество составляли занятия жителей этого края. Давность поселений и хозяйственной культуры в крае сказывалась, с одной стороны, в очень значительной, сравнительно, населенности края, а с другой стороны, в крепости внутренних связей, сложившихся ко времени смут XVII века. В 1608 году галицкие тяглые люди собрали против «воров» посоху по сту человек с сохи и держались, несмотря на измену галицких служилых людей. Такое большое число ратников с сохи возможно было собрать только при многолюдстве в податных сохах. Из росписи, составленной, правда, лет на 70 позднее, узнаем, что Галицкий уезд был одним из самых богатых по населению во всем государстве: заключая в себе более 31 тыс. тяглых дворов, он по населенности занимал пятое место в ряду центральных московских уездов. Соответственно общей населенности и главные города в уезде были хорошо населены. В середине XVII века в Галиче считали тяглых 729 дворов, а в них 1755 человек; в это время, в 40-х годах XVII века, Галич уже успел оправиться от разгрома, постигшего его в смуту, и снова наполнился народом. Но двадцать лет ранее, в 1628 году, он еще пустовал: по письму кн. Никифора Мещерского, в это время в нем было 211 пустых тяглых дворов, 47 пустых же дворовых мест и всего 361 жилой двор. В это последнее число входило 38 «молодчих» дворов, 172 двора «бобыльских» и «худых», «которые в сошное письмо с тяглыми

людьми не погодятся, а имать с них оброк»; остальное же были нищие, кормились «по наймам и меж двор». В 1620 году пустоты было еще больше: при 263 жилых, тяглых и нетяглых, дворах считали 258 пустых дворов и мест, а на торгу на 34 лавки приходилась сотня пустых лавочных мест. Таких ранних известий о пригородах Галича мы не имеем. По книгам 1646–1648 годов считали в Солигаличе 339 дворов и 780 человек; Чухлома, Унжа, Парфеньев, второстепенные галицкие городки, были малы: ни один не имел даже сотни дворов. Укрепления в Галиче были невелики: деревянный город на осыпи, в окружности всего 470 сажен; а в Соли Галицкой они сверх того были и плохи: «Около посаду острогу нет, и город сгнил и развалился, и наряду и зелья (орудий и пороху) нет, кропиться нечему» – так говорили в 1609 году жители Соли⁸.

Нет надобности много говорить о значении Волги в хозяйственной жизни Московского государства и о торговой деятельности приволжского населения в так называемых верховых городах, лежавших выше Нижнего Новгорода, между Нижним и Ярославлем. Через Ярославль сообщалось с Волгой Поморье, через Кострому – Галицкий уезд, через Плёсо и Кинешму – шуйские места, через Юрьевец-Поволжский – берега рр. Унжи и Немды, через Балахну – лесной район, по местному названию Чернораменье, по которому возвращался в Москву Грозный после казанского взятия в 1552 году. Все названные города были пристанями, кормившими окружное население, или принимая от него излишки местного производства, или снабжая его необходимыми продуктами, или давая ему заработки на реке. Из всех этих пристаней, промежуточных между Нижним и Ярославлем, первое место принадлежало Костроме. Это был большой город. В 1628–1630 годах в нем было 1633 двора и 489 лавок и амбаров; в 1678 году только на посаде насчитали в нем 1407 дворов. В мор 1654 года в Костроме умерло, по отчету поповского старосты, 2708 человек, да в подгородных слободах 557 человек. Все это очень высокие для того времени цифры: они позволяют нам считать Кострому в числе самых крупных московских городов. Англичане очень рано завели в Костроме свое подворье; сами костромичи с товарами своими бывали на Северной Двине у Архангельского порта и на Мологе по пути к балтийским рынкам; торговали они и с Нижним. По р. Костроме на костромские городские пристани неизбежно попадали продукты Галицкого края, в большой мере влиявшие на развитие костромской торгово-промышленной жизни. Другие пристани были значительно беднее населением: по переписным книгам 1678 года, на Кинешме считали 360 посадских дворов; на Балахне в то же время было 788 посадских дворов, а по дозору 1619 года в ней тягло записали только 200 дворов; в Юрьевце-Поволжском по книгам 1646 года был 141 двор. Кроме летнего речного пути, приволжские города соединялись между собой береговыми дорогами, шедшими по обоим берегам реки; одной из таких дорог, правобережной, воспользовалось земское ополчение 1611–1612 годов для своего передвижения в Ярославль.

Длинный ряд старых приволжских городов замыкал собой Нижний Новгород. За ним, на востоке, начинался другой мир – инородческий, в котором русский поселенец XVI века, с пищалью и сохой одинаково, чувствовал себя еще на новоселье и только налаживал свое хозяйство и русский порядок вообще. Своим пограничным положением Нижний напоминает старый Киев, как напоминает он его своей красотой. И тот и другой стояли на краю своей земли, при слиянии больших рек, защищая русскую землю от врагов и в то же время открывая

⁸ А. А. Э., I, № 324; III, № 170. – «Городские поселения Росс. империи», V, с. 471. – Сборник кн. Хилкова, с. 40. – А. А. Э., I, № 262, 263. – Н.Д. Чечулин, «Города Моск. государства», с. 68–78. – Карамзин, IV, прим. 323. – М.Н. Березков, «Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка» в «Трудах VII Археол. съезда», т. I, с. 40–48 и 53. – Е.Е. Замысловский, «Герберштейн», с. 464. – А. А. Э., III, № 314. – А. И., I, № 174, IV. – А. А. Э., II, № 206; ср. Д. А. И., XI, с. 286–287. – А. А. Э., I, № 134, 230. – Д. А. И., XI, № 23, с. 77 и 281; III, № 89; VIII, № 97. – Д. А. И., VIII, с. 128; XI, с. 287. – Р. ист. библ., II, № 40. – А. И., I, № 163; III, № 61 и др. О Словенском Волочке см. А. А. Э., II, № 22; ср. Д. А. И., I, № 229. В посмертном труде Н.П. Павлова-Сильванского Словенскому Волочку посвящены любопытные страницы («Феодализм в удельной Руси», СПб., 1910, с. 3 и сл.). – А. А. Э., II, № 91; А. И., II, № 177. – Оглоблин, о. с., с. 405. – Самарянов, «Город Галич Кос. губ. в начале XVII в.» (ср. «Описание докум. и бумаг Арх. М. юст.», I, с. 39–40, № 392). – «Владимирские губ. ведом.», 1851 г., № 42. – Д. А. И., VIII, с. 136; IX, с. 225. – А. И., II, с. 205.

границы для мирного торгового обмена. Княжеские караваны под Киевом, готовые в «греческий путь», живо вспоминаются нам, когда читаем описание того, например, каравана, с которым Дженкинсон сплыл от Нижнего в Астрахань в 1558 году. Нижняя Волга в XVI веке требовала вооруженного торга, так же как в древнюю пору нижний Днепр. Опорой этого торга в Поволжье и был Нижний. Он получал русские товары по Волге и Оке. Верхняя Волга несла ему произведения московского севера, Ока – произведения центра и юга; и та и другая передавали ему заморские товары, полученные с западных рубежей. Нижний посылал эти товары далее по Волге и Каме, получая взамен товары с каспийских и сибирских рынков. Под защитой его каменных стен, возникших в начале XVI века, создался постоянный речной порт, удобства которого стали менее чувствоваться с покорением Казани и с успокоением края, но торговое значение не миновало и до наших дней. Зная о таком значении Нижнего, мы догадываемся, что город должен был достигнуть сравнительно высокого торгово-промышленного развития. Писцовая книга 1621 года подтверждает эту догадку. Она застала Нижний после Смуты, когда городская деятельность и силы населения пришли в некоторый упадок. Смута потрясла государство, со всеми частями которого Нижний имел торговые дела, и нижегородцы должны были «охудать», даже не выдав неприятеля в своих стенах. Кроме того, Нижний нес расходы во время ополчений 1611–1612 годов и посылал своих людей в войска. Нельзя поэтому удивляться большому проценту захудалых хозяйств; напротив, удивляет малое число запустелых дворов. Писцовая книга дает такие сведения о размерах Нижнего и его населенности: она насчитывает в Нижнем около 700 нетяглых дворов, 862 посадских двора тяглых (30 «лучших», 72 «средних», 378 «молодших», 382 «худых»), 204 двора и избы оброчных, таких, владельцы которых «обхудали» и вместо непосильного для них тягла посажены были на оброк, и, наконец, 141 «дворишков и избенок и кельишков» вовсе нищих. Всего, стало быть, насчитано было круглым счетом 1900 дворов и изб, и на это большое число приходилось всего пустых 7 дворишков и 34 дворовых места. Нижегородские рынки заключали в себе около 480 торговых помещений всякого рода, не считая кузниц и харчевен. Из смутной эпохи Нижний вышел, сравнительно с другими городами, в очень хорошем состоянии, сохранив и свои стены, и свое население со всеми его разнообразными промыслами и торгами.

От Волги перейдем в область р. Клязьмы и ее левых притоков Луха, Тезы, Нерли и др. Этот край – родина восточного Великорусья, стариннейшие места русских поселений в Мерянском крае, откуда младшие Мономаховичи начали свою вековую работу над созданием восточнорусского государства. Уже в XII–XIII веках слышно здесь биение народной жизни, заметны быстрые успехи русской колонизации, быстрый рост княжеских и народных сил. И в последующее время, даже и тогда, когда политическое значение Суздаля и Владимира перешло к более западной Москве, Владимирский край сохранил значение населеннейшего промышленного центра с самой разнородной производительностью; в то самое время, когда обездоленные политической судьбой города этого края глохли, сельское население продолжало деятельную жизнь, славясь своими промыслами и торгами. Села вроде суздальского Холуя, сел Иваново и Лежнево в Опольском стане, Коврова, Дунилово и др. имели известность и в московскую пору. Несоответствием политических и экономических успехов Владимиро-Суздальского края объясняется та его особенность, что население и торги его когда-то славных и стольных городов очень незначительны сравнительно с населенностью уездов, и городское затишье стоит как бы в противоречии с сельским оживлением. По росписи 1678 года во Владимире считалось на посаде 400 дворов, а в небольшом по размерам уезде – более 18 тыс. дворов; в Суздале считали 515 дворов, а в небольшом его уезде – более 32 тыс. дворов; на посадах Шуи и Луха было 207 и 193 двора, в уездах (вместе с посадами) 3127 и 4313 дворов; в Юрьеве-Польском на посаде 198 дворов и в уезде около 12 тыс.; наконец, в Гороховце на посаде 231 двор, в уезде около 1400 дворов; всего на 1744 посадских двора приходилось около 70 тыс. уездных. Как бы ни были приблизительны эти цифры и как бы значительна ни была необходимая для конца XVI века

поправка, характер подмеченного нами отношения, думаем, останется неизменным. Впрочем, там, где возможно сравнение с цифрами XVI и первой половины XVII века, оно приводит к небольшому изменению данных о величине Суздальского посада.

Мы знаем для Суздаля показания переписи 1573 года, насчитавшей в Суздале 414 дворов на посаде; знаем результаты дозора 1612 года, бывшего после разорения города и отметившего в Суздале 251 выморочное дворовое место, 60 мест дворовых, владельцы коих пошли по миру, и только 97 обитаемых дворов; знаем, наконец, итоги письма 1617 года, когда в Суздале, не считая нетяглых 48 дворов, оказался уже 121 тяглый жилой двор, 128 пустых дворов и 215 пустых мест. Так, на пространстве столетия (1573–1678) Суздаль не раз пустел и наполнялся населением, но число усадебных мест на посаде росло от 400 к 500 очень небыстро. Что касается до числа жителей в Суздале, то мы имеем любопытные указания, что в мор 1654–1655 годов в городе умерло 1177 человек, а осталось 1390 человек в жилых 477 дворах. Некоторое сравнение разновременных цифр возможно и для г. Шуи. В 1678 году в нем считали 207 дворов, в 1646–1648 годах – 203 двора, а в 1629 году, по писцовой Афанасия Векова, в Шуе было 154 тяглых и бобыльских двора, 22 двора нищих и 12 пустых, всего – 188 дворов. И здесь рост посада шел небыстро.

При развитии промыслов и торгового дела во владимирских и суздальских местах должны были образоваться там и пути сообщения, годные для товарного движения. Роль таких путей прежде всего играла р. Клязьма с притоками. В настоящее время судоходство существует только по Клязьме, а притоки ее имеют лишь сплавно-значенье; в старину же и по ним ходили суда, и притом не только в половодье, но и в межень. Мы знаем, например, что в июле поднимали товар на струге с Макарьевской ярмарки до г. Шуи по Оке, Клязьме и Тезе. Через Кинешму, главным образом, а также через Плѣс и Юрьевец было сообщение с Волгой. По старому выражению, Кинешма лежала «против города Луха, на реке, на Волге», и между ними считали всего 30 верст. На Москву шла от Шуи и Суздаля через Юрьев-Польский сухопутная дорога, очень известная и теперь и в старину под названием Стромынки. И Владимир через Суздаль по этой же дороге сносился с Москвой; но был и прямой путь от Москвы к Владимиру южнее Стромынки, вдоль левого берега р. Клязьмы, известный теперь в Москве под названием старой Владимирской дороги, или же просто Владимирки. На восток и юго-восток от Владимира и Суздаля вели дороги на Нижний Новгород и Муром⁹.

В числе дорог, расходившихся из Москвы в различные стороны, не малым значением пользовалась дорога на г. Дмитров. До Дмитрова добирались сухопутным, а с Дмитрова начинался, как в старину говорили, «водяной ход». Он шел рр. Яхромой, Сестрой (или Сестрю) и Дубной в Волгу. Этим путем ехал царь Иван Васильевич на богомолье в Кириллов монастырь в 1553 году. Этим же самым путем доставлялась с Волги и Шексны живая рыба в царские пруды в Дмитрове и хранилась здесь на государев обиход. И об этом же самом пути упоминали мы тогда, когда говорили о прямой дороге со шведского рубежа через Тихвин и Устюжну в Дмитров и Москву. Таким образом, Дмитров был ближайшей к Москве речной пристанью, через которую можно было выйти на верхнюю Волгу. Этим определялось значение городка, открывавшего речной путь, и его торговое оживление. Судя по «сотной» 1624 года, Дмитров очень потерпел в Смутное время, а до смуты он имел значительный посад (не менее 300 тяг-

---

⁹ Криживоблоцкий, «Материалы для географии и статистики России. Костромская губ.», СПб., 1861, с. 578. – Д. А. И., VIII, с. 128 (ср. у Оглобина, о. с., с. 405). – Д. А. И., III, с. 474–475. – Костомаров, «Очерк торговли», с. 22, 72, 75, 91, 93, 113, 186. – А. А. Э., I, № 262. – Д. А. И., VIII, с. 126. – «Писцовая и переписная книга XVII века по Нижнему Новгороду», изд. Археогр. комиссии, СПб., 1896, с. 193, 187–196, 281–284. – Костомаров, о. с., с. 113–118 и др. – К. Тихомиров, «Владимирский сборник», М., 1857, с. 27. – Списки насел. мест Владимирской губ., с. II–L. – Чтения Имп. общ. ист. и др., 1896, III, Смесь, с. 10. – А. Лаппо-Данилевский, «Организация прямого обложения», с. 165–166. – Оглобин, о. с., с. 488. – «Владимирск. губ. вед.», 1843, № 25 и 26; 1857, № 12–19; 1854, № 35–37; 1845, № 25. – Д. А. И., III, с. 520–521; VIII, с. 136. – Борисов, «Описание г. Шуи», М., 1851, с. 343–344. – «Книга Большому чертежу», с. 133. – «Владимирский Сборник», с. 58–59, 108, 179. – Списки насел. мест Влад. губ., с. XXXVIII.

лых и церковных дворов). В области же верхней Волги, в прямой связи через Дмитров с Москвой, находились города Углич на дороге в Шексню и Моложское устье и Кашин с Бежецком на дороге в Устюжну и верховья Мологи. Эти города были невелики: в моровое поветрие 1654–1655 годов население Углича исчислялось в 695 человек, из коих умерло 319. Мы думаем, что это очень неточный счет, но, во всяком случае, он ближе действительности, чем показание угличского летописца, что в XVI веке число жителей Углича доходило до 47 тыс. человек и что в Смутное время в городе было убито литвой 40 тыс. человек. Вряд ли город мог вместить в себя такое население, хотя бы и на время осады: после многих лет мирной жизни, в конце XVII века, в нем был всего 431 тяглый двор с мужским населением в 1191 чел., а стало быть, все тяглое население не превышало двух с половиной тысяч. Если примем во внимание, что дворов нетяглых или маломочных было в Угличе всего около 200, то убедимся, что население Углича было далеко от того, чтобы исчислять его десятками тысяч. Заметим, однако, что в Угличе был большой торг: в его торговых рядах считали более 300 лавок; таким образом положение на торговом пути отзывалось на хозяйственной жизни Углича. Кашин был не более Углича: по книгам 1646–1648 годов в нем считали 306 тяглых дворов, в то самое время, когда на Угличе был 371 двор. В Бежецке же (по-старому Городецк) в 1627 году было всего 134 жилых двора да 186 пустых дворовых мест. Все названные города имели укрепления по общему правилу; но сравнительно с ними, как кажется, большим значением пользовались укрепления Калязина монастыря, близкого к этим городам и послужившего опорным пунктом для князя М. В. Скопина во время его действий на верхней Волге.

Подвигаясь на запад и юго-запад от описанных мест, мы переходим из области по преимуществу мирной, промышленной и торговой в область, где рядом с мирным трудом населения становятся все более и более заметными военные заботы правительства, где город делался средоточием не только хозяйственной деятельности своего округа, но и его военных сил. Такое впечатление производит уже Тверь с ее пригородами Ржевом, Зубцовом и Старицей, обращенными на когда-то близкий литовский рубеж. Будучи расположены вблизи волоков между новгородскими реками и Волгой, тверские города, однако, не владели этими волоками: на волоках крепко сидели новгородские «ряды», или посады, и держали в своих руках торговое движение, оставляя Твери малую роль в торговых оборотах между Новгородским краем и Низовской землей. Вот почему тверские города не приобрели особого торгового развития, а в то же время сохранили по близости к рубежу военный характер. Дозорная книга г. Твери 1616 года открывает нам любопытную картину: Тверь, по московским масштабам, большой город, в котором до тысячи (970) дворов. Из них 507 находятся в самом городе и только 463 на посадах. Из общего числа дворов в городе только 82 принадлежат посадским людям; остальные дворы – кроме 47 пустых – принадлежат служилым людям, духовенству и крестьянам частновладельческим и черным. Из общего числа дворов на посаде посадским принадлежат только 195 дворов; 123 двора брошены «в пугте», а 145 принадлежат лицам других сословий. Таким образом, во всей Твери городскому сословию принадлежат только 277 (а с пустыми 477) дворов из 970; остальные распределяются между самыми разнородными владельцами, но так, что не менее 300 дворов мы должны счесть за служилыми людьми разных наименований. Так слаб в Твери посад, и так силен в городе служилый элемент. Прибавим, что дозорная книга указывает всего только сотню торговых помещений в городе. В других городах тверских видим ту же слабость посада: в 1678 году в Зубцове всего 16 дворов на посаде; в Ржеве 194 двора на посаде, но там же тогда же насчитано до 240 человек служилых людей, что указывает на преобладание в городе служилого люда; в Старице, наконец, служилых людей мало (45 человек), но и посад невелик – всего 111 дворов. О Старице ценно литературное указание 1626 года, представляющее «высокий городок» Старицу малым и слабым: жители ее не возмogli «литовскаго множества поднять» и спасались бегством, «зане мало их во граде том бяше». В Смутное время, как увидим, эти тверские города не раз будут местом ожесточенной борьбы. Как местность насе-

ленная, прорезанная несколькими речными путями, лежавшая между Новгородской землей и Замосковьем, эта Тверская область привлекала к себе одинаковое внимание и военачальников и мародеров¹⁰.

Наша речь о замосковных городах привела нас к таким городам, которые, строго говоря, не были «за Москвой», а только лежали на границах Замосковья, прикрывая его от Литвы. Такую же роль крепостных прикрытий играли города, расположенные на юг от тверских мест, в верховьях р. Москвы и по р. Оке «от украины», как выражались в Москве. Волок Ламский, Можайск, Боровск, Малый Ярославец, Серпухов, Кашира, Коломна, Муром, Арзамас – вот та линия, прорвав которую неприятель оказывался в сердце государства. Центром этой линии, сохранявшим и в XVI веке свое боевое значение, были старые города: Серпухов, Кашира и Коломна. Они охраняли переправы через ту самую Оку, которую москвичи считали «непрелазною стеною», положенной от Господа на защиту Москвы против татарских набегов с Поля. Было время, когда московская граница совпадала здесь с течением Оки и потому получила название «берега»; это название сохранилось надолго, так что пограничная сторожевая служба даже и тогда, когда перешла за Оку, продолжала еще называться «береговой». Хотя за Окой на юге издавна были русские поселения (в тульских местах), но они плохо прикрывали доступы на Оке, и потому «берег», с точки зрения московской стратегии, имел всегда очень важное значение; о его укреплении и охране очень заботились даже и в то время, когда «береговые» города уже теряли пограничный характер и за ними на юге протянулась новая линия поселков и укреплений. Составляя старые центры, военно-административные и культурные, Коломна, Кашира и Серпухов были значительными и по составу сложными поселениями. Кроме собственно «городов», то есть крепостей, и посадов с тяглым населением, в них было много слобод и слободок с населением, несшим специальные службы и повинности на государя или частных владельцев. В этих военных городах был и значительный торг. Особенно заметная и важная роль в торговом отношении принадлежала Коломне, чрез которую лежал водный путь из Москвы в Оку и Волгу и которая снабжала Москву рязанским хлебом и всяким довольствием. Подобное же положение посредника – между Москвой и верховьями Оки – занимал и Серпухов. С развитием колонизационного движения из центра государства за Оку значение этих окских городов должно было, казалось бы, еще более вырасти. Во второй половине XVI века народные массы с особой энергией переходили на правый берег Оки за новыми землицами; хозяйственные заимки на «диком поле» подвигались все южнее и южнее; за населением, а иногда даже и опережая его, шло на юг со своими войсками и московское правительство. «Дикое поле» входило таким образом в круг правительственной и народнохозяйственной деятельности, и на долю окских городов выпадала, казалось, новая роль. Из пограничных пунктов с преобладающим военным значением они должны были превратиться в мирные центры, через которые, по привычным путям в Поле, Москва могла сноситься с новозаятым краем. Но дело было не совсем так. Кашира, лежавшая на прямом пути от Москвы в этот край, погибла в 1571 году, дотла разоренная татарами, и долго не могла оправиться, пока город, уже при Михаиле Федоровиче, не был перенесен с левого берега Оки, где Кашира находилась в XVI веке, на правый, где находится теперь. Из сведений, уцелевших от 1578–1579 годов о старой Кашире, узнаем, что до разорения она имела около 400 посадских дворов и значительный торг, заключавший более 100 лавок. Любопытно, что после разрушения Каширы, лет через семь, когда в

---

¹⁰ Е.Е. Замысловский, «Герберштейн», с. 192–193. – Сотная Дмитрова во «Временнике М. о. ист. и др.», XXIV. – Костомаров, «Очерк торговли», с. 5, 6, 111. – «Герберштейн», в переводе И.Н. Анонимова, с. 117–118; в переводе А.И. Маленина (1908), с. 122. – А. А. Э., I, с. 309, 138; III, с. 162. – Никон. летопись, VII, с. 202–203. – «Сказания кн. Курбского», изд. 3, с. 37, 41. – Д. А. И., IX, с. 225; X, с. 123. – Оглоблин, о. с., с. 488. – «Труды Ярославской губ. архивн. комиссии», I, М., 1890, с. 98, 124–126; с. 64 и сл. – «Город Углич в XVII в.», изд. проф. Липинского, с. 144; слич. «Углич. Материалы для истории города». М., 1887. – Д. А. И., III, с. 518 и 520; VIII, с. 136. – «Городские поселения в Росс. империи», т. V, ч. 1, с. 91–92 (ср. Попова, «Заметки о Бежецком Верхе» в Чтениях М. общ. ист. и др. 1881, III, с. 27–28). В.Н. Сторожев, «Дозорная книга г. Твери 1616 г.», Тверь, 1890. – Д. А. И., VIII, с. 128; IX, с. 311 и 312. – Оглоблин, о. с., с. 488. – Р. ист. библ., XIII, с. 594–595.

ней почти не было людей, торг на ее пожарище продолжал существовать: «торгуют на торгу в неделю два дня из сел с хлебом и всяким мелким товаром», – знак, что Кашира стала в XVI веке уже привычным пунктом торгового обмена. Судьба Серпухова и Коломны была счастливее: они уцелели от татар, хотя татары, если им во время своих набегов удавалось добраться до Оки, направлялись именно к этим городам. В первую половину XVI века отряды татарские обыкновенно оставляли влево укрепленную Тулу и спешили к Коломне, почему и московские войска, ожидавшие татар на «берегу», имели средоточием Коломну; самый же город Коломна рано получил (в 1525 г.) каменные стены. Когда же дорога к Коломне с Поля была прикрыта в половине XVI века городками Городенском на Венёве и Епифанью, тогда татары, идя между Тулой и этими новыми укреплениями, выходили уже к Серпухову, а не к Коломне. Поэтому и московский наблюдательный корпус стал сосредоточиваться около Серпухова, а самый Серпухов постарались укрепить каменными стенами подобно Коломне (1556 г.). Таково было к концу XVI века военное значение этих двух городов: они считались главными опорными пунктами в первой от Москвы оборонительной линии против крымцев. Но вряд ли с усилением боевого значения Коломны и Серпухова росло их внутреннее благосостояние. Есть признаки, что народный поток, стремившийся к югу от Москвы, уносил с собой и население этих городов, расстраивая их общественное хозяйство и торг. В 1552 году, от которого дошли до нас сведения о Серпуховском посаде, в Серпухове было брошено «в пусте» уже около пятой части тяглых дворов: из 766 тяглых дворов и мест жилых было 623 двора, пустых 143. Но серпуховский торг был еще не пуст: на торгу было 250 лавок и других торговых помещений да 24 пустых места; из них только 3 пустых лавочных места были вовсе брошены хозяевами, а 21 место принадлежало определенным владельцам. Из общего числа 274 лавок и мест 246 принадлежало черным тяглым людям; таким образом, в Серпухове в середине XVI века еще существовало торгово-промышленное население. К концу же века, когда передвижение населения из центра государства дошло до крайнего развития, Серпухов, вероятно, опустел. Судим по аналогии с другими городами того же района: Коломной, Можайском, Муромом. Поразительные сведения о Коломне, интересующей нас теперь, имеем от 1578 года: в ней в это время было тяглых 32 1/2 двора жилых на 662 пустых, стало быть, впусе было 91 1/2 % всего посада и слобод. В Коломне оставались одни церковные и монастырские люди да водворены были служилые люди с их дворней. В самой крепости Коломенской не было ни одного черного тяглого двора: все они «по государевым грамотам» были розданы детям боярским, и сидели в них дворники, а не тяглые люди. И на посаде, среди посадского «пуста», жили все казенные люди: гарнизон, сторожа гуляй-города и различного казенного добра, ямщики, кузнецы, плотники, каменщики, – весь тот люд, который работал на крепость и на войска, а в досужное время кормился ремеслом и мелким торгом, овладев и лавками на посадском торгу после ухода посадских людей. Благодаря этому коломенский торг не казался пустым, хотя в Коломне не было вовсе людей торгового класса: на 600 приблизительно торговых помещений всего треть, то есть 200, пустовала. Подобные наблюдения над положением города дают право сказать, что Коломна испытала в XVI веке крутой переворот, обратившись из города в нашем смысле этого слова в цитадель с военным населением. Те слои торгово-промышленного ее населения, которые не были задержаны на местах государевой службой, отстали от тягла и ушли в частновладельческую зависимость или же были развеяны по разным местам в переселенческом движении.

Ту же картину запустения посада представляет нам Можайск – крупнейший город на правом фланге изучаемой нами линии крепостей. Можайск сложился еще в удельную пору, и в нем, как в Коломне и Серпухове, рядом с укреплением стало несколько слобод, сохранивших до конца XVI века свои старинные названия и специальные занятия. Писцовая книга 1595–1598 годов сберегла нам любопытнейшие данные о Можайске, по которым можно удобно проследить историю образования и упадка Можайска. Из этой книги извлекаем прежде всего указания на то, что в Можайске, вопреки старому мнению, был деревянный, а не каменный город,

да и тот находился в упадке: «стена обвалилась, а кровля на городе сгнила». Далее огромный Можайский посад, к которому тянуло около 16 дворцовых и иных слобод, уже запустел и заключал в себе всего 205 жилых тяглых дворов на 127 пустых дворов и 1446 дворовых мест; в живущем, стало быть, было только 11 %, впусе же 89 % тяглых хозяйств. И здесь, в Можайске, как в Коломне, население города складывалось из людей служилых (дворян и гарнизона), казенных и дворцовых работников и церковных людей, не считая прихожих из-за города для торга и промысла крестьян. Всего насчитывают за эти годы (1595–1598) в Можайске не менее 570 взрослых мужчин и до 2000 человек населения вообще. И Можайск, стало быть, почти потерял свою торгово-промышленную тяглую общину, заменив ее случайным подбором служилых и зависимых людей, завладевших и торговлей города. Тяглые люди в Можайске составляли лишь 36 % населения и имели на торгу из общего числа 434 торговых помещений всего 126, то есть только 30 %. Прибавим, что из этих 434 торговых помещений пустовала почти четвертая часть – 103 лавки и амбара.

Можайская крепость была запущена, конечно, потому, что в ней уже не было постоянной надобности. Литовский рубеж отошел в XVI веке далеко от можайских мест и охранялся сильным Смоленском. И другие городки вокруг Можайска по той же причине потеряли свое прежнее значение и, обратившись из пограничных укреплений в мирные пункты, представляли собой мало оживления. Таковы были Волок Ламский, Руза, Верея, Боровск с Пафнутьевым монастырем и Малый Ярославец. Во всех них видим укрепления, некоторый гарнизон и посады очень малолюдные и слабые. В Боровске, например, на посаде в 1621 году считали тяглых 54 жилых двора и 41 дворовое пустое место; а на торгу в 1625 году было всего около 70 лавок да 8 лавочных мест. Крепость в Боровске была деревянная, слабая, гарнизон небольшой, и жители Боровска в трудные минуты спасались за каменной оградой Боровского Пафнутьева монастыря, отстоявшего всего на три версты от города. В Верее, Рузе и Малом Ярославце были небольшие укрепления, от которых к середине XVII века оставались лишь городища да осыпи; а посадское население этих городков, по городским описям XVII века, не превышало сотни или двух взрослых людей. С разрушением крепостных сооружений в этих местах уменьшались и гарнизоны, и, таким образом, эти городки глохли. Только Можайск не падал окончательно, благодаря своему положению на большой дороге от Москвы к литовскому рубежу, да Волок был живее своих соседей, благодаря связям с верхней Волгой, впрочем мало заметным и незначительным.

Переходя на восточный край изучаемой линии, видим здесь сравнительно очень малое число городов, оберегающих подступы к Замосковью со стороны нижней Оки. От Коломны до Муром, по прямому направлению, севернее Рязанской стороны не было ни одного сколько-нибудь заметного укрепления, которое оберегало бы Замосковье со стороны Рязани и Касимова. Да в нем не было и нужды: широкая полоса лесных болот, залегших между Клязьмой и Рязанской стороной в так называемой Мещерской стороне, по течению рр. Пры и Гуся, служила наилучшим укреплением. А если бы враг задумал обогнуть эту болотную полосу, то слева встречала его знакомая нам Коломна, а справа Муром. И далее на восток за Муромом, уже по правому берегу Оки, по рр. Теше и Сереже, продолжалась эта линия болот, охраняя нижнее течение Оки между Муромом и Нижним от нападений мордвы, ногаев и татар. Столько же с целью охранить линию Оки, сколько с целью утвердиться в мордовских землях на сухопутной дороге от Муром в новозавоеванный Казанский край был укреплен Арзамас, от которого вверх по р. Теше и далее по р. Алатырю до р. Суры шла линия засек, прикрывавшая правый берег Волги от Нижнего до Васильсурска. За Арзамасом уже начиналось Понизовье. О состоянии самого Арзамаса в XVI веке у нас нет данных: мы даже не знаем времени возникновения его укреплений. Кажется, во время казанского похода 1552 года, когда Грозный с войском шел от Муром к Свияжску вдоль Тешы, Арзамаса еще не существовало. Курбский, говоря об этих местах, считает Муром «крайним» городом, от которого до Казани – «поле дикое»; а летопись,

перечисляя станы Грозного на этом пути к Казани, называет места, очень близкие к Арзамасу, а Арзамаса не знает. Что же касается до Муром, то об этом древнейшем городе у нас есть некоторые сведения. По дошедшим до нас отрывкам муромской сотной 1574 года видно, что тогда в Муроме считалось черных тяглых дворов: жилых 111, пустых 107 да пустых дворовых мест 520. На торгу в Муроме было 320 разных торговых помещений, и из них 117, то есть до 37 %, запустело в промежутке от 1566 до 1574 года. Таким образом, запустение Муромского посада шло быстрыми шагами, как и других приокских городов. Существовавшая в Муроме крепость, в которой (по данным 1637 г.) было 124 осадных двора и дворовых места, удерживала в городе служилое население с теми общественными слоями, которые держались за служилый класс: дворниками, крестьянами, дворовыми людьми; но посад Муромский неудержимо таял под напором тех сил, которым не могли противостоять стены и башни московских городов¹¹.

Мы окончили обзор замосковных городов и можем свести к одному наши наблюдения и впечатления.

В Поморье, как мы видели, все города имели одинаковый склад и однородное значение: на севере город являлся центром и руководителем хозяйственного труда в своем районе и тесно связывал свою жизнь с жизнью области. Он торговал тем, что производила и добывала область, и тем, в чем она нуждалась и что город приобретал для нее со сторонних рынков. Город играл роль посредника между своим уездом и остальным миром, и такое посредничество сохраняло свою силу совершенно независимо от того, сообщало или нет правительство северному городу значение административного и военного центра. Связь города с его областью основывалась не на правительственном значении города, а на местных отношениях, объединявших городское и сельское население в один торгово-промышленный класс. Эта взаимная близость городского и сельского населения на севере закреплялась и официально – единством земского самоуправления, соединявшего город с уездом в одну областную единицу, и единством податного оклада, обращавшего северный город с уездом в одну тяглую общину. Если однородность городского населения и нарушалась введением в город служилого элемента, гарнизона, то этот гарнизон обыкновенно составлялся из «приборных» людей, взятых из той же тяглой среды; он быстро усваивал себе формы хозяйственного быта, господствовавшие на посаде; входя в городской торг, участвуя в городских промыслах, он нес вместе с тем все повинности со своей тяглой земли или лавки, совершенно равняясь с тяглыми людьми. Те же формы принимало на посаде и монастырское хозяйство в монастырских дворах, представляющих собой или торговый склад, или ремесленное заведение, в которых жили и работали монастырские слуги и крестьяне и тот же посадский люд, заложившийся за монастырь. И на этих церковных людей городской «мир» упорно стремился распространять государево тягло, правда не всегда с одинаковым успехом.

Подобной однородности и цельности нет уже в замосковных городах. Состав замосковного города сложнее в зависимости от многих причин. Прежде всего, рядом с собственно посадом здесь видим много дворцовых и частновладельческих, боярских и монастырских слободок, большинство которых еще не слилось с посадом в одну тяглую общину, а существует отдельно от него, неся не общие повинности, а специальные службы и давая оброк государю или же вовсе ничего не платя в силу своего существования на «белой» земле. Помянутая нами выше писцовая книга Можайска больше, чем другие, дает нам указаний на подобные слободки на

---

¹¹ Русск. ист. библиотека, I, с. 151. – А. И., II, с. 299. – П.П. Семенов, «Географическо-статистический словарь», т. II, Кашира. – Н.Д. Чечулин, «Города Московского государства», с. 261–262. – «Писцовые книги», изд. Калачева, II, 1305. – Полн. собр. лет., VII, с. 222. – Никон. лет., VII, с. 231. – П. Симсон, «История Серпухова», М., 1880, с. 95–96, 328, 334. – Н.Д. Чечулин, о. с., с. 173, 162, 189, 157–159, 179–180. – «Писцовые книги» Калачева, I, 612. – «Можайские акты. 1506 и 1775», СПб., 1892, с. 5. – Е.Е. Замысловский, «Герберштейн», с. 474–475, прим. 43. – «Боровск. Материалы для истории города», М., 1888, с. 2, 10. – «Малоярославец. Материалы для истории города», М., 1884, с. 1, 2. – «Р. ист. библ.», I, с. 199, 538. – Акты Моск. гос., 1, № 642, 643, 671. – Д. А. И., VIII, с. 127, 135; IX, с. 228–229. – Н.П. Загоскин, «Архив кн. Баюшева», предисловие. – «Сказания кн. Курбского», изд. 3, с. 14. – Полн. собр. лет., XIII, с. 199, 495–496. – «Москвитянин», 1852, № 22–23, отд. VII, статья Терещенка, с. 65. – А. Ю., № 229, с. 248, 251. – К. Тихонравов, «Владимирский сборник», с. 144–150.

посаде и объясняет, что некоторые из дворцовых слобод уже вошли в посад и стали «улицами», а другие еще «с черными людьми тягла не тянут опричь городского дела». Таким образом, черный тяглый человек жил в замосковном городе рядом со слобожанином, который, не неся обычного тягла, был совсем чужд посаду, если имел специальные занятия и повинности, или же вызывал вражду со стороны посада, если, не неся тягла, конкурировал с посадскими людьми в общем торге и промыслах. Известно, что только в середине XVII века посаду удалось сломить беломестную слободу и ввести ее в общий тяглый распорядок, отписав на государя; но в XVI веке посад еще не мечтал о такой победе, и только государевы слободки обращались в посады там, где истощение природного богатства, отданного в эксплуатацию слобожанам (бобровых гонов, бортей, рыбных ловель), колебало самое основание слободского хозяйства и переводило слобожан от упавшего специального промысла к общим формам посадского хозяйства. Кроме слобожан, вместе с посадскими жили в городах и служилые люди. Во-первых, это были те же стрельцы и прочие приборные люди, каких бывало много и в поморских городах; и там и здесь они были близки к посадским по происхождению и по занятиям; во-вторых, это были дворяне и дети боярские – помещики и вотчинники того уезда, который принадлежал городу. Служилые люди являлись лично в город только по делам службы и в «осадное время» для обороны города и жили тогда на своих «осадных дворах», которые устраивались для осады и «на приезд» хозяев в самом «городе», а то и на посаде. В обыкновенное же время дворы их стояли «пусты» и за их целостью и исправностью наблюдали дворники – лица, уполномоченные на то дворохозяевами. Не вполне еще ясна юридическая сущность отношений дворников к хозяевам, да вряд ли она и была однообразна. На дворничестве бывали и холопы, и крестьяне дворовладельца, и посадские люди данного города, и «приходцы» из других городов, и служилые приборные люди, и монахи, и женщины. В одних случаях дворники тянули государево тягло вместе с посадскими людьми, в других не тянули, и московские чиновники не всегда знали, как смотреть на дворников: писать ли их в тягло или нет, и спрашивали об этом высшую власть: «Вперед тем людям как государь укажет?» Как ни будем смотреть на юридическое положение дворников, мы должны признать, что в XVI, по крайней мере, столетии дворничество мало еще подверглось правительственной регламентации и существовало во всей своей бытовой непосредственности. Оно вводило на постоянное жительство в города массу постороннего люда и оставляло его в неопределенном отношении к коренному посадскому населению. Живя и трудясь в городе, но принадлежа не городскому «миру», завися не от него, а от землевладельца-хозяина по своей холопией крепости или «по крестьянству», дворник был одной из связей, соединявших город с уездом; но вместе с тем он был и посторонней для посада силой, разрушавшей внутреннее единство и цельность посада, если только посадский «мир» не забирал его в тягло. Торгуя на городской площади, живя на городской улице, пришлый дворник, однако, считал себя по-прежнему крестьянином или дворовым человеком и легко уходил в уезд, давая место новому пришлецу, присланному взамен его. Еще случайнее для посада была деятельность тех «уездных людей», которые являлись в посад как временные обыватели и торговцы, снимали на посаде лавку или продавали с воза произведения деревенского ремесла и продукты своего хозяйства, а затем исчезали из посада и посадского торга так же легко, как легко туда приходили.

В такой обстановке тяглый посадский мир замосковного города часто не был хозяином своего посада и торга. Служилые люди и церковные землевладельцы с их «людьми» и крестьянами составляли иногда большинство в городе, чаще всего в южных и западных городах Замосковья. Связь поморского города с его областью выражалась в экономическом взаимодействии однородных общественных сил – тяглых торгово-промышленных общин. Связь замосковного города с уездным населением выражалась иначе: весьма разнородное в своем составе уездное население или само стремилось, или же вынуждалось к участию в городской жизни, высылало в город своих представителей и через них служило в городе своим особым интересам. Служеб-

ные обязанности заставляли служилых людей иметь в городе осадные дворы, которыми они иногда владели даже не на частном, а на поместном праве. Как городской домовладелец, служилый человек был очень далек от посадской общины и холоден к ее интересам; и его дворник, если не был в тягле, также был далек от дел и забот посадского мира. Но с поместьем или вотчиной служилого человека осадный двор был в прямой связи и юридической, и хозяйственной. Так же чужды интересам посадского мира были обыватели частновладельческих слободок, обязанные платежами и повинностями не государству, а своим хозяевам и владельцам и с монастырем или боярским двором связанные крепче, чем с государством. И отдельные лица, приходившие в посад из уезда на время, сохраняли свои связи с теми местами, где они считались «во крестьянстве». Таким образом несколько нитей тянулось из города в уезд – к служилому поместью, к боярской вотчине, к монастырю, наконец, к крестьянскому уездному миру; но эти нити не связывали между собой ни разных общественных элементов, сожителствовавших в городе, ни города, в его целом, с уездом; это были частные соединения, не разрешавшие общего диссонанса. Там, где тяглая городская община была многолюдна и экономически сильна, а пришлые элементы слабы, там замосковский посад был близок к поморскому и почти в той же мере имел характер внутренней однородности; так было на Клязьме, средней Волге и за Волгой в значительных торговых городах. Там же, где близость границы или иная причина вела к усиленному водворению в город служилого люда и людей частновладельческих, там посадская община была слаба и гибла: посад лежал «впусте» и город превращался в крепость с очень разнородным, но по преимуществу военным населением. Так случилось в городах на Оке и верхней Волге к концу XVI века: здесь служилое население завладевало и посадом и торгом, а посадские люди или разошлись, или перешли в гарнизоны – стали теми же служилыми людьми.

Уезды замосковских городов представляли собой уже в XVI веке картину полного развития частного землевладения, вне которого оставалось лишь небольшое количество дворцовых земель. На поприще земельного стяжания за успех и преобладание спорили, как известно, два московских общественных класса: монастырская братия и служилые люди – бояре и московские дворяне. Ученым, исследовавшим дело, представляется, что победа в споре оставалась за монахами, которые неумолимо собирали земли отовсюду и такими средствами, каких не было в распоряжении мирских людей. Последние добывали себе вотчины куплей и выслугой; монастырь не только покупал их, но и получал даром за свою молитву о душе владельца или его сродников. Мирские люди не имели столько свободных денежных капиталов, сколько имели их монастыри, а в деле земельного стяжания свободный денежный капитал составлял главное оружие монастыря. Монастырь обращал его не только на простую покупку земель, но и в денежную ссуду тем же служилым людям под залог их земли, имея в виду оставить за собой залог при неуплате в срок. Не мудрено, что именно там, где, казалось бы, должно было процветать боярское землевладение, именно в центре государства, процветало, в сущности, землевладение монастырское. По счету пахотной земли в Московском уезде, произведенному при царе Михаиле Федоровиче в 1623–1624 годах, за монастырями оказалось до 44 % всей пашни в уезде, за вотчинниками до 17 % и за помещиками около 22 %; иначе говоря, монастыри имели больше пахотной земли, чем все вообще служилые землевладельцы уезда. Это отношение пахотных земель во владениях церковных и светских владельцев нельзя без изменений переносить в XVI век, ибо в XVI веке, о котором мы ведем речь, монастыри еще не достигли таких успехов в борьбе за земли, а с другой стороны, к концу XVI века и светское землевладение оказалось в критическом положении. Если можно основываться на приблизительном подсчете данных писцовой книги 1585–1586 годов по Московскому уезду и сравнивать его результаты с результатами приказного счета 1623–1624 годов, то придем к таким заключениям. В XVII веке дьяки насчитали в Московском уезде (без дробей и круглым счетом) 140 тыс. четей в поле пахотной земли; из них порозжих земель было до 25 тыс. четей (18 %), за помещиками до

31 500 четей (до 22 %), за вотчинниками 23 500 четей (до 17 %) и за монастырями 61 500 четей (44 %). Книги 1585–1586 годов насчитывают в 13 станах Московского уезда до 100 тыс. четей пахотных земель. Из них пустует до 32 тыс. четей в поместьях и вотчинах и сверх того 7500 четей за отсутствием владельцев сдано из оброка; стало быть, до 40 % пахотной земли вышло из нормального хозяйственного оборота. А остальные 60 % распределены так: за помещиками 6 % (6227 четей), за вотчинниками 17 % (17 272 чети) и за монастырями почти 37 % (36 786 четей). Мы видим, что и здесь монастырь располагает большим количеством пашни, чем все служилые люди уезда, но это главным образом потому, что служилые люди в Московском уезде к концу XVI века оставили впусе почти две трети общего количества земель, которыми могли бы владеть: сохранив за собой 23 500 четей, они забросили 39 500 четей. Нет сомнения, что это были признаки и последствия землевладельческого кризиса, о причинах которого мы еще скажем; нет сомнения, что на «порозжих» землях когда-то стояло служилое хозяйство и что здесь мы имеем дело не с целиной, которая еще не знала плуга, а с пустошами и перелогом. В тяжелую для землевладельцев пору у монастырей оказывалось больше умения и средств перенести кризис, чем у служилых людей: последние пустошили свои поместья и вотчины, монашество продолжало копить земли и поддерживало на них свое хозяйство.

Так было не в одном, конечно, Московском уезде, но и в других центральных. Широкое развитие монастырского землевладения во всем Замосковье не требует доказательств. Сошлемся для примера на изданные писцовые книги земель Троицкого монастыря, описанных в исходе XVI века в уездах Белозерском, Владимирском, Дмитровском, Звенигородском, Костромском, Московском, Муромском, Переяславль-Залесском, Пошехонском, Ростовском, Рузском, Солигалицком, Старицком, Суздальском, Углицком, Юрьев-Польском и Ярославском. Те же изданные Н. В. Качаловым писцовые книги дают хороший материал для изучения землевладения и других монастырей в центральных местах государства; не говорим уже о тех рукописных сборниках монастырских актов, которые получили широкую известность, оставаясь в хранилищах Троицкой лавры, духовных академий и Публичной библиотеки, не говорим и об актах, составляющих известное собрание Коллегии экономии.

После монашества первое место в сфере льготного землевладения занимало боярство, то есть служилое потомство владетельных удельных князей и высший слой старинных слуг московских государей, издавна несший придворные службы и призываемый в государеву думу. А рядом с боярством стояли московские дворяне, составлявшие вместе с низшими придворными чинами, стряпчими и жильцами, особый военный корпус, ближайший к государю и привилегированный. Состав этой высшей служилой среды можем приблизительно определить по уцелевшим спискам 1577 и 1611 годов, а размеры ее земельного владения уясняются нам, кроме случайных указаний грамот и писцовых книг, любопытным документом 1613 года, в котором особенно ценны указания на «старые вотчины» служилых людей. Этих старых вотчин к концу XVI века и началу XVII вообще было немного даже у очень родовитых и сановных людей, и все они тянулись за поместьями наравне с людьми рядовыми и «обычными». Трудно, конечно, следить за мобилизацией служилых вотчин в XVI веке, но общее направление ее, отлив вотчинных земель из служилых рук в монастыри и за государя, вряд ли может подлежать сомнению после мелочного исследования судеб княженецких вотчин в Замосковье. Естественно, чем меньше оставалось в служилых семьях старых наследственных земель, тем сильнее сказывалась нужда в поместьях и яснее выступала склонность осваивать поместья в качестве выслуженных вотчин «государева данья». Недаром XVI век считается временем развития этих новых видов земельного владения в Московском государстве: можно сказать, что к концу XVI столетия все служилые землевладельцы даже высших чинов были гораздо более помещиками, чем вотчинниками. Что же касается до провинциального служилого люда, то он почти исключительно сидел на поместьях, особенно в городах к югу от Москвы.

Служилое землевладение было распространено по всем замосковным уездам: уцелевшие до нашего времени десятины содержат в себе списки служилых людей 30 замосковных городов от Галича и Пошехонья до Каширы и Коломны, от Старицы и Ржева до Муром и Нижнего Новгорода. По писцовым книгам также знакомимся с общим распространением поместных владений во всем Замосковье. Не только черные земли всей массой обращались в пользование служилого люда, но поместья давались и из дворцовых земель великого государя. За исключением волостей и сел, оставшихся в прямом управлении государева «дворца», и за исключением черных земель, приписанных к посадам, вся масса земли в замосковном пространстве была к концу XVI века передана в руки частных владельцев и изъята таким образом из распоряжения тяглого землевладельца. Тяглая община, попадая под власть вновь водворяемого государством на ее земле привилегированного землевладельца, не всегда теряла свою общинно-податную организацию. Не только от XVI века, но и от времени позднейшего дошли до нас намеки на то, что сельский «мир» сохранял свое устройство и свои порядки в крупных государевых и частных вотчинах, хотя и здесь он подчинялся контролю и руководству приказчиков. Но там, где вотчинные и поместные участки были мелки и землевладельцы сидели в тесном соседстве одни с другими, там межи их владений разрезали старую податную волость на много кусков, и вотчинная власть разных хозяев уничтожала единство мирского устройства, заменяя податную общину частновладельческим хозяйством и круговую поруку тяглецов перед государством личной ответственностью их перед землевладельцем¹².

III

Города «от Немецкой украины»

Из центральной полосы Московского государства перенесемся в западную его часть – в города «от Немецкой украины»: так называли москвичи старые области Великого Новгорода и Пскова с их пригородами. Область Пскова называлась просто уездом; область Новгорода делилась на пятины, а пятины, в свою очередь, на половины, представлявшие собой самостоятельные губные округа. К тому периоду времени, который мы изучаем, ко второй половине XVI века, старая новгородская территория пережила уже много общественных перемен и потрясений. Вековые порядки, сложившиеся в пору самостоятельного существования Новгорода, были сломлены во время московского завоевания, во-первых, резким ударом, который был направлен на вершины новгородского общества и уничтожил крупное землевладение в крае и крупные капиталы на новгородском рынке, а во-вторых, рядом длительных мероприятий, исподволь переделавших середину и низ новгородского общества на московский лад. В течение столетия, прошедшего со времени присоединения Новгорода к Москве, московские порядки в Новгороде стали крепки настолько, что никому и никогда не приходило в голову оправдывать «разгром» Новгорода Иоанном Грозным как действительную политическую необходимость. В XVI веке в Новгороде уже не было вовсе тех общественных элементов, которые могли бы вести Новгород к отпадению от государства в старую вольность; эти элементы были или истреблены или «сведены» в другие государевы города; напротив, высший слой новгородского населения, служилые землевладельцы, во множестве заменившие собой новгородских землевладельцев-бояр и «софиян», были опорой московской власти в крае и в значительной своей части

---

¹² Н.Д. Чечулин, «Города Московского государства», с. 326, 317. – «Журн. Мин. нар. просв.», ч. 269, с. 150–153. – В.О. Ключевский, «Боярская дума», изд. 3, с. 276. – С.В. Рождественский, статьи в «Журн. Мин. нар. просв.», ч. 299, с. 70–83 и в «Записках Императорского археологического общества», т. VII, вып. 1 и 2, с. 1–17. – В.Н. Сторожев, «Указная книга Поместного приказа», М., 1889, с. 76, 77, 188–189. – Акты Моск. гос., I. № 26. – Н.П. Лихачев, «Боярский список 1611 года» (сборник Археологического института, VI). – Чтения Императорского общества истории и др., 1895, I, «Докладная выписка о поместьях и вотчинах 1613 года». – «Описание документов и бумаг архива Министративной юстиции», кн. VII, «Опись десятинов», с. 116–118. – А. Лаппо-Данилевский, «Организация прямого обложения», с. 92. – С.В. Рождественский, «Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в.», СПб., 1897, гл. I и II.

даже происходили из Замосковья. Известно, как московское правительство образовало этот военный землевладельческий класс, на который была возложена обязанность защищать край от внешних врагов и поддерживать в нем авторитет и силу правительства. Из взятых на государя при покорении Новгорода земель боярских и церковных образован был земельный фонд, из которого и были раздаваемы вотчины и поместья «детям боярским москвичам», переведенным из московского центра на новгородские окраины. В то же время на государеву службу верстались и местные мелкие землевладельцы «земцы»; превращаясь в служилых вотчинников, «детей боярских земцев», этот люд выигрывал в том отношении, что менял низшее общественное положение на высшее, становился на вершине местного общества. На этот-то смешанный из туземных и пришлых элементов служилый класс и опиралась главным образом московская власть, имея в нем и военную силу, и административный штат для местного управления. Лишенный всяких политических воспоминаний и аристократических традиций новгородских, привязанный к Москве происхождением или же обязанный ей карьерой, этот класс стал надежным слугой московской власти. Политическое торжество Москвы было, таким образом, полным и безусловным, и мы должны оставить всякую надежду отыскать в Новгородском крае второй половины XVI столетия сколько-нибудь верные и определенные признаки политического брожения и сепаратизма.

Но, уничтожив новгородский политический порядок и сломив социальный строй, на который он опирался, Москва не могла, да вряд ли и имела в виду изменять общие основания народно-хозяйственной деятельности в Новгородской земле. Зависая от условий природных и от географического положения страны, хозяйственная жизнь Новгородского края отражала, конечно, на себе последствия политических перемен, но продолжала в главном сохранять черты своего исконного склада. Под давлением политики изменялась организация хозяйственного труда, но не менялись его орудия; изменялись формы и размеры торгового движения, но не нарушалось значение для края торгового движения. Именно этим последним определялось и в XVI веке, как раньше, расположение населенных мест в Новгородском крае: все крупнейшие новгородские поселки распределены по главнейшим торговым путям, в местах их соединения и скрещения, и вообще население жметя по берегам рек и по сухопутным «горным» дорогам. При передаточном характере новгородской торговли и при слабом развитии местной промышленности во всем крае, кроме главнейших городов, иначе и не могло и быть. Новгородское население если не кормилось от рыбной ловли или же (что было редко) от пашни, то жило на счет торгового движения, передававшего заморские товары на русский восток и север и русские товары на Балтийское поморье. Вот почему изучение торговых путей при знакомстве с новгородской жизнью должно всегда стоять на первом месте. Эти пути естественно делятся на две группы: одни вели за рубеж, другие на восток – в Поморье, на Северную Двину и в область верхней Волги. Из первых главное значение имели речные пути, и важнейшим был тот, который шел из Финского залива Невой, Ладожским озером в Волхов; на нем находились города Орешек, Ладога и сам Новгород. Другой путь от устья Наровы переходил в низовья Луги и шел или прямо к Новгороду или же через речку Мшагу (Пшагу) в Шелонь и Ильмень. Третий путь из Пскова по рр. Черехе и Узе выходил на Шелонь и по Шелони в Ильмень. Наконец, четвертый вел от Западной Двины по Ловати в тот же Ильмень. Сухопутные дороги шли от Новгорода на Нарву и Ревель, на Псков и Пернов или на Псков и Ригу. Города Ивань и Ям лежали на путях к гаваням Нарвской и Ревельской, Псков – на пути к Риге и Пернову; Старая Русса – в узле дорог, соединявших Псков с Москвой и область Западной Двины с Новгородом. Вторая группа новгородских путей нам уже отчасти известна: мы говорили выше о речных путях, ведущих от Новгорода Волховом и Ладожским озером на север и восток. По Свири от Ладожского озера выходили к Белоозеру, к Каргополю и на Северную Двину, по Сяси – на Мологу и верхнюю Волгу. Значение этих северных путей бесспорно; однако главная роль в сношениях Новгорода с Восточной Русью принадлежала дорогам более южным, связанным с

течением Мсты. Сама Мста представляла собой магистральный путь, на который можно было выйти с разных волоков. Главным образом пользовались тем волоком, который получил имя Вышнего Волочка и соединял Мсту с Твердой через р. Цну и оз. Мстино. Название «вышнего» дано волоку в отличие от «нижнего», или Держкова, волока (вблизи г. Боровичи) на Мсте, по которому выходили на мстинский путь из Устюжны с Мологи через р. Кобожу и волость Устреку. Между этими волоками существовал и еще один – у рядка Млёво: он соединял Мсту с верховьями Мологи и, в частности, с Бежецком. Со мстинским путем в Вышнем Волочке соприкасалась и главная сухопутная дорога из Замосковья в Новгород, шедшая на Тверь, Торжок, Валдай, Яжелбицы и Бронницы. Наконец, южнее существовала и еще одна дорога – с верховьев Волги на озеро Селигер, городище Деман, Старую Руссу и Новгород. На всех этих восточных дорогах, особенно по Мсте и между Мстой и Мологой на волоках, жило сравнительно густое население, состоявшее из торговых и ремесленных людей. Городов здесь было мало; можно даже сказать, что их не было здесь вовсе, если считать стоявшие на границах Бежецкой пятины Торжок, Бежецк и Устюжну не новгородскими, а московскими городами. В пятинах Деревской и Бежецкой поселки городского типа, вообще не крупные по размерам, носили название «рядков» и «посадов». Население их, торгово-промышленное и мастеровое, по роду деятельности ничем не отличалось от московских посадских людей и даже звалось иногда посадскими людьми. Но отсутствие в рядках «города» и «острога», «осадных» дворов и служилых людей, частновладельческих слобод и частнозависимых лиц не дает возможности отождествить рядок с городом: рядок был, по остроумному определению И. Д. Беляева, «предшественником, починком города» и только при осложнении внутреннего своего состава мог превратиться в город. Из общего числа 40 торгово-промышленных рядков-посадов, известного в четырех пятинах, на долю прилегавших к Мсте пятин Бежецкой и Деревской приходилось 27 рядков; таким образом, рядковая форма поселений процветала именно на восточных путях, тогда как все новгородские города стали на путях западных и южных.

Таково было распределение важнейших населенных пунктов в крае. Оживление заметно главным образом на торговых путях и в местах торга; остальная же страна не представляется наблюдателю ни особенно населенной, ни промышленно развитой. Даже города новгородские, кроме самого Новгорода и Старой Руссы, не отличались ни размерами, ни напряженностью торгово-промышленной деятельности. Все руководящие хозяйственной деятельностью края интересы и силы были сосредоточены в немногих пунктах, и прежде всего, конечно, в самом Новгороде. По числу дворов до 70-х годов XVI века Новгород превосходил все замосковские города, кроме разве самой Москвы: в 1545 году в нем насчитывали 4355 тяглых черных дворов, а общее число дворов (тяглых, белых и церковных) доходило до 5300. Грозный в 1570 году совершенно опустошил Новгород, уничтожив в нем более 90 % жилых дворов. Но город стал быстро оправляться: в 1605 году в нем уже считали полторы тысячи жилых дворов. Оправлялся от погрома и торг новгородский. О нем есть данные от того же 1605 года, когда на одной Торговой стороне в пожар выгорели «все ряды» – 700 лавок; ими, разумеется, не ограничивалось число торговых помещений в Новгороде с его Софийской стороной и гостиными дворами вне рядов. В Старой Руссе в 1545 году насчитывали до 1545 дворов, из коих 1473 было тяглых, а 63 принадлежали духовенству. И Старая Русса, таким образом, подходит по числу дворов к крупнейшим московским посадам; в ней до самого конца XVI века процветало солеварение и была обширная торговля. Тем разительнее цифры, относящиеся к прочим новгородским пригородам: из них только Корела имела в начале XVI столетия около 257 дворов, а в 1568 году до 482 дворов; Ям, Ивань и Орешек на всем пространстве XVI века не имели более 200 жилых дворов, Ладога имела около сотни, Порхов и Копорье не имели и ста. При этом ремесленно-торговая деятельность в этих городках развита была очень слабо и только во второй половине XVI века стала делать некоторые успехи; масса же «городчан» занималась или рыболовством, или огородничеством и пашней. Обращаясь от западных городов к более

восточным рядкам, и здесь видим слабое развитие поселков городского типа. В отличие от рядков земледельческих и рыболовных, составлявших обычное явление в Вотской и Шелонской пятинах, в восточных пятинах Бежецкой и Деревской рядки имеют характер торговый. Но это очень мелкие поселения сравнительно с замосковными посадами; постоянное население в них малочисленно, и рядки живут ярмарочным торгом в торговых рядах, от которых произошло и самое их название. Этот торг питается торговым движением, переносающим товары между Новгородом и Московской Русью, и замирает с прекращением или временным ослаблением этого движения. Поэтому и состояние рядков не отличается устойчивостью и постоянством. В рядке Млѣвском, например, в первой половине XVI века считали 225 лавок, в 1551 году «прибыло 107 лавок» и стало их 332, а в 1582 году осталось всего 96 лавок и 16 шалашей. Жилых же дворов в Млѣво было всего 27, и те, так же как лавки, то пустели, то вновь заселялись. Другие заметные рядки данного района были немногим населенней: в Вышнем Волочке, Боровичах, Тихвине число дворов не превышало сотни на всем пространстве XVI века и падало до 23 (в Боровичах). И только Новый Торг, или Торжок, получил значение крупнейшей ярмарки, точные размеры которой, к сожалению, не поддаются определению; но Торжок был оторван довольно рано от Новгорода тверским и московским влиянием и принял физиономию замосковского города: в нем был срублен «город», и в XVII веке было до 500 посадских дворов с населением (приблизительно) в 1000 человек мужского пола.

Итак, Новгородская земля в XVI веке отличалась неравномерностью в распределении населения: торговля в крае сосредоточивалась главным образом в самом Новгороде и в ярмарочных торжках по главнейшим торговым дорогам. Обрабатывающая промышленность держалась в тех же пунктах, где и торг, не выходя из зачаточного состояния в остальных местах. Земледельческий труд и рыболовство лежали в основании хозяйства не только в волостях, но даже и в новгородских пригородах. Такое положение дела приводило к тому, что главный город края – Новгород как бы монополизировал руководство хозяйственной жизнью края; являясь единственным центром, в который стекались товары и с ними население, он как бы вбирал в себя все силы своей земли, оставляя очень мало пятинам и пригородам. Такая централизация была очень характерна для политической жизни господина Великого Новгорода в период его независимости, и эту новгородскую особенность не успели искоренить московские порядки. В XVI веке обстоятельства сложились так, что, кажется, еще более увеличивали и без того резкую разницу между Новгородом и окружающими его поселениями. От Ливонской и Польской войны, от опричнины и других более скрытых причин в 70-х и 80-х годах XVI века новгородские пятины, кроме разве Вотской, обезлюдели. По выражению покойного Ильинского, «население по реке Мсте представляло в это время картину полного запустения». И в других менее бойких местах убыль населенных дворов весьма заметна. А между тем и самый Новгород, оправясь от погрома 1570 года, как и его пригороды, лежавшие у Финского залива и Ладожского озера, сохранял относительную населенность, хотя транзитный торг, которым кормилось население Новгорода, и упал к концу царствования Грозного¹³.

Совершенно подобную картину представлял и Псков с пригородами в конце XVI века. Сам Псков, несмотря на осаду Батория, сохранил свое население и свой торг и быстро оправился от бедствий войны. Как кажется, этому помогло одно обстоятельство, отмеченное мимоходом в описании Пскова у немца Кихеля, видевшего Псков в 80-х годах XVI века. Кихель

---

¹³ Ильинский, статья в «Журн. Мин. нар. просв.», 1876, июнь, с. 267 и др. – Русск. ист. библ., II, с. 796–797. – «Сборник материалов по русск. истории начала XVII в.» И.М. Болдакова, СПб., 1896, с. 35–39. – Ильинский, о. с., с. 271; Никитский, «Ист. экон. быта Вел. Новгорода», с. 92, 106, 107; М.Н. Бережков, «О торговле Новгорода с Ганзой», с. 155. – «Русск. ист. сборник» Погодина, т. I, статья Ходаковского, § 33, с. 33. – Беляев, «Рассказы из русской истории», т. II, с. 27. – А. А. Э., I, № 205; Н.Д. Чечулин, о. с., с. 50–52; Ильинский, о. с., с. 215; его же статья в «Историч. обозрении», IX, с. 139–145, 238–242. – «Новгородские летописи», СПб., 1879, с. 351. – «Гейденштейна записки», изд. 1889 г., с. 171–172. – Ильинский, о. с., слич. с. 216–217, 231–232, 243–244. – Д. А. И., III, с. 517; VIII, с. 135; IX, с. 313. – Никитский, о. с., с. 208.

говорит, что к его времени во Псков перешла торговля из Нарвы. Упадок русского отпуса из Нарвской гавани отмечен был Флетчером, который совершенно правильно указал и причины упадка – в Ливонской войне. Известно «чисто международное», по выражению Г. В. Форстена, значение вопроса о нарвской торговле во вторую половину XVI столетия: шведы и поляки требовали закрытия торгового пути с Москвой в Нарве, через которую шли русские товары в Ревель; датчане и Любек желали торговать в Нарвской гавани. Успехи шведов на Финском побережье помогли им настоять на своем, отрезать русских от Нарвской гавани, и вот русские товары находят выход на Балтийское море через Псков. Потеряв лужский путь, новгородская торговля усиленно пользуется шелонским, и Псков, бывший во все времена посредником между Новгородом и Рижским заливом, только выигрывает. Всякая перемена в новгородском рынке должна была чувствительно отзываться на Пскове особенно потому, что все торговые сношения Пскова с Московской стороной обязательно должны были производиться, «не объезжая» Новгорода. Так, по крайней мере, было при Иване Васильевиче Грозном, и эта связь псковского рынка с новгородским сослужила Пскову добрую службу в изучаемую нами пору. Мы не знаем точно количества псковского населения в XVI веке и не сможем заключить о нем по той цифре 6500 дворов в «старом Застенье», которую дает Псковская летопись для 1500 года, но можем составить себе некоторое представление о населенности Пскова косвенным путем – по состоянию псковского торгового пути, о котором есть интересные сведения. Псковский торг заключал в себе, кроме гостиных дворов, до 1300 торговых помещений в самом городе, не считая небольшого числа лавок в Завеличье; из этого числа 1010 (80 %) принадлежали черным тяглым людям, до 200 лавок (15 %) – церквам и духовенству и только 48 лавок – ратным псковским людям. Из общего числа владельцев лавок было тяглых людей 773 (81,8 %), ратных людей 42 (4,5 %), духовных 97 (10,6 %) и, наконец, церковей 28. Эти данные достаточно ярко рисуют размеры псковской посадской общины и в то же время указывают на ее целостность и крепость в исходе XVI столетия. В то время, когда в ближайших к Москве городах тяглые люди уступали служилым и свои дворовые места и свой торг, в Пскове тяглый мир был многочислен и крепок; он удерживал в своих руках псковскую торговлю и обладал достаточной силой, нравственной и хозяйственной, для того, чтобы стойко переносить не только военные невзгоды, но и все беды Смутного времени, вплоть до междоусобий в самих городских стенах.

Иной вид имели псковские пригороды перед эпохой смуты. Известно, что эти пригороды не получили большого значения в Псковской области. Они были крепостными сооружениями, обращенными против немцев и Литвы, и имели сравнительно ничтожное население. Из 14 пригородов, о которых есть у нас сведения от середины XVI века, только в четырех образовались сколько-нибудь значительные посады: в Опочке было 180 черных дворов, в Острове – 204, в Гдове – 290, в Вороноче – даже 371 двор, несмотря на то, что он, по словам Гейденштейна, был уже в упадке. В остальных десяти (Велье, Володимирце, Вреве, Выборе, Вышгороде, Дубкове, Изборске, Кобыльем, Красном и Себеже) было гораздо меньше тяглых дворов. Население этих городков жило по преимуществу земледельческим трудом, мало отличаясь от подгородного крестьянства. Ливонско-польская война губительно отозвалась на хозяйственном благополучии этого мелкого люда, и он покинул свои места, уступив свою землю вновь водворенным в пригородах московским гарнизонам. По описи 1585–1588 годов, посадских людей здесь уже нет почти совсем; больше всего их, если не ошибаемся, в Гдове – 14 человек. Их сменили стрельцы (обыкновенно по сотне в городе), казаки (в Себеже), пушкари и т. п.; весь этот народ принялся за оставленные жителями огороды и вместе с крестьянами, приходящими в городки, пахал их из оброка. Но эти новые жильцы не наполнили старой «пустоты». Всего в 1585–1588 годах в псковских пригородах насчитывается 75 посадских людей, 66 крестьян, 890 ратных людей, 108 духовных, всего же, с лицами прочих состояний, до 1250 человек, да сверх того указано 1686 пустых дворов черных посадских и 108 дворов пустых на церковной земле. Из прежде бывшего числа 246 лавок осталось пустыми 160 и только в 86 торговали.

Таковы были здесь последствия военных бедствий. Не только имущественное разорение, но и перемены в самом составе городского населения последовали за войной. Сплошное мирное население пригородов, лишённое всякого влияния на жизнь и торговлю Пскова по своей бедности и малочисленности, сменилось здесь населением военным; оно было столь же бедно, но обладало зато военной организацией, которая помогла ему в Смутную пору сыграть заметную роль в псковских междоусобиях и даже на время взять в свои руки руководство Псковом в союзе с «мелкими» псковскими людьми¹⁴

---

¹⁴ Adelung, «Uebersicht der Reisenden in Russland», I, 376. – Флетчер, гл. III, § 8. – Г.В. Форстен, «Балтийский вопрос в XVI и XVII ст.» (СПб., 1893), т. I, с. 522–524. – А. А. Э., I, № 282, с. 322. – Полн. собр. р. лет., IV, с. 282. – Н.Д. Чечулин, о. с., с. 127–137. – Костомаров, «Ист. монография и иссл.», VIII, изд. 1886 г., с. 74–78. – Н.Д. Чечулин, о. с., с. 107–108, 123, 114. – «Гейденштейна записки», изд. 1889 г., с. 171.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.